

№№ 15—16.

15—22 апрѣля

1905 г.

ИЗВѢСТІА изъ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“— для епархіальныхъ подписчиковъ 8 р. въ годъ, для не-епархіальныхъ—10 р. Безъ приложенія журнала „Православный Собесѣдникъ“—для не-епархіальныхъ подписчиковъ—5 р.

Адресъ редакціи: Казань. Духовная академія.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНОГО НАЧАЛЬСТВА.

Награжденъ набодреніиномъ іеромонахѣ Казанскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря *Нектарій* 3 апрѣля.

Скончавшіеся.

Умеръ священникъ села Оточева, Ядринскаго уѣзда, *Рождественскій*, 18 марта.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Кафедральномъ соборѣ, при Кошлоушскомъ Александринскомъ монастырѣ и Вершино-сумскомъ Введенскомъ монастырѣ; въ селахъ съ русскимъ населеніемъ: Флоровъ-Ясажъ, Тетюшскаго у.; съ чувашскимъ населеніемъ: Балдаевъ, Оточевъ, (2 вакансіи) Ядринскаго у.;

Кожкахъ, Карамышевѣ, Чебоксарскаго у.; Ново-Чурашевѣ, Цивильскаго у.; Абрамовѣ, Козмодемьянскаго у.; съ смѣшаннымъ населеніемъ: Утяшкинѣ, Чистопольскаго у. (рус. и тат.); Старомъ Ильмовѣ, Чистопольскаго у. (рус. и чув.); Азановѣ, Царевококшайскаго у. (рус. и черем.), Николаевѣ, Чистопольскаго уѣзда (рус., чув. и морд.); Ронгѣ, Царевококшайскаго уѣзда (рус. и черем.).

Діаконскія. При Каѳедральномъ соборѣ; въ селахъ съ черемисскимъ населеніемъ: Уньжѣ и Сотнуряхъ, Царевококшайскаго уѣзда; Мордовскихъ Юрткуляхъ, Спаскаго уѣзда (обрус. мордва).

Псаломщическія: При Успенскомъ г. Казани соборѣ; при Цивильскомъ женскомъ монастырѣ; въ селахъ: Турминскомъ, Свіяжскаго уѣзда (чув., рус. и тат.), Азановѣ, Царевококшайскаго у. (рус. и черем.), Череватыревѣ, Чистопольскаго у. (тат.); Тобурдановѣ, Цивильскаго уѣзда (чув.); Тенькахъ, Свіяжскаго у. (рус.); Маломъ Шемявинѣ, Тетюшскаго уѣзда (рус. и чув.).

Просвѣщеніе св. крещеніемъ.

5 февраля 1905 года священникомъ Гуріевской при Казанской Центральной крещено-татарской школѣ церкви Тимоѳеемъ Егоровымъ просвѣщена св. крещеніемъ крестьянка деревни Асянь, Студено-Ключинской волости, Казанскаго уѣзда, Шарыпъ Зямаль Курбангалѣва, магометанскаго вѣроисповѣданія, 17 лѣтъ, съ нареченіемъ имени ей Марія. Восприемниками были Преосвященный Алексій, Епископъ Чистопольскій, и жена священника Гуріевской церкви г. Казани Пелагія Егорова.

18 февраля 1905 года священникомъ церкви села Чуманъ Касовъ, Ядринскаго уѣзда, Алексѣемъ Потоцкимъ просвѣщена св. крещеніемъ дочь мѣщанина Могилевской губерніи дѣвица Сара Давидова Браудѣ, 23 лѣтъ, іудейскаго вѣроисповѣданія, съ нареченіемъ имени ей Елена. Восприемниками были: села Чуманъ Касовъ сынъ священника Алексѣя Потоцкаго студентъ Казанскаго Императорскаго университета Александръ Алексѣевъ Потоцкій и того же священника жена Θεодиста Евфимова Потоцкая.

Присоединеніе къ православію.

23 января 1905 года священникомъ села Урюма Тетюшскаго уѣзда Петромъ Аполлоновымъ присоединенъ къ православію приходской деревни Пролей-Кашъ сынъ солдата Стратона Петрова Шепелина раскольникъ ново-спасова согласія Алексѣй Стратоновъ Шепелинъ, 23 лѣтъ.

11 февраля 1905 года причтомъ церкви села Тенишева, Спасскаго уѣзда, присоединена третьимъ чиномъ къ православію изъ раскола спасова согласія вдова умершаго крестьянина села Ново-Мордова, Спасскаго уѣзда, Георгія Лукина Николаева Дарія Иванова, 72 лѣтъ.

12 февраля 1905 года причтомъ церкви села Введенской Слободы, Свіяжскаго уѣзда, присоединенъ къ православной церкви чрезъ таинство св. муропомазанія раскольникъ поморской секты крестьянинъ деревни Савиной, Свіяжскаго уѣзда, Михаилъ Егоровъ Крупинъ, 32 лѣтъ.

ОБЩЕЕ ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ

членовъ Попечительства при Введенской церкви состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Казанскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

Съ благословенія Почетнаго Попечителя Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, 28 января 1905 г. въ 7½ час. веч. въ актовомъ залѣ Казанскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства состоялось Общее годовичное Собраніе членовъ Попечительства о недостаточныхъ воспитанницахъ училища.

Къ назначенному времени въ училищный залъ прибыли: Преосвященный Алексій, Епископъ Чистопольскій, ректоръ Казанской духовной академіи; члены Совѣта Попечительства въ полномъ составѣ и половина общаго числа о.о. и г.г. членовъ, живущихъ въ г. Казани (60).

Послѣ молитвы, исполненной хоромъ воспитанницъ: „Пречистому Твоему Образу“... и обычнаго архіерейскаго благословенія, преподавшаго Собранію Преосвященнымъ Алексіемъ, была прочитана резолюція Его Высокопреосвященства, послѣдовавшая на представленіи Совѣта о днѣ Общаго Со-

бранія: № 407 (28 янв. 1905 г.). „Сожалію, что не имѣю возможности прибыть въ сегодняшнее годовичное Общее Собраніе Попечительства. Призываю благословіе Божіе на Собраніе“.

На основаніи § 22 Уст. Попеч., предѣлательствованіе въ Общемъ Собраніи принялъ Преосвященный Алексій.

Предметами занятій Общаго Собранія были: 1) разсмотрѣніе составленнаго дѣлопроизводителемъ отчета о состояніи Попечительства за 1-й годъ его существованія и доклада ревизіонной комиссіи; 2) выборъ членовъ Совѣта и ревизіонной комиссіи; 3) избраніе почетныхъ членовъ и 4) разрѣшеніе предложеннаго Совѣтомъ вопроса объ измѣненіи § Устава о времени Общаго годовичнаго Собранія.

Въ заключеніе засѣданія отъ лица Совѣта было засвидѣтельствовано о сердечной признательности Попечительства Высокопреосвященному Почетному Попечителю. вмѣстѣ съ тѣмъ выражена была глубокая благодарность Преосвященному Предсѣдателю и всѣмъ почтившимъ Собраніе посѣщеніемъ и выказавшимъ доброе сочувствіе благородной задачѣ Попечительства.

Молитвою „Достойно есть“ закончилось первое годовичное Общее Собраніе Попечительства.

Журнальное постановленіе Общаго Собранія утверждено Его Высокопреосвященствомъ.

Составъ должностныхъ лицъ, по единогласному избранію, остался прежній. Въ Почетные члены избраны: 1) Членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, прот. *А. П. Владиміръскій*, первый благочинный училища, всегда выказывающій свое вниманіе и доброе расположеніе къ училищу и 2) Дѣйствительный членъ и казначей Попечительнаго Совѣта пріюта Привца П. Г. Ольденбургскаго ст. сов. *А. Л. Влѣтшинъ*, пожертвовавшій въ Попечительство 100 руб.

Въ измѣненіе § 21 Уст. Попеч. постановлено: „обыкновенное годовичное Общее Собраніе созывать не 21 ноября, въ храмовой училищный праздникъ, а въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго за отчетнымъ года“.

Сумма пожертвованій и членскихъ взносов въ день Общаго Собранія равнялась 322 руб., а съ остаткомъ отъ прошлаго года Попечительство имѣетъ всего 1675 руб. 82 коп.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Христосъ воскресъ!

Кто первый и кого именно привѣтствовалъ симъ радостнымъ восклицаніемъ? Отвѣтъ на сей вопросъ мы находимъ въ евангельскомъ повѣствованіи о событіяхъ, случившихся при Гробѣ Господнемъ тотчасъ по воскресеніи Христовомъ. Рано утромъ, когда еще было темно, повѣствуетъ Ев. Лука, нѣкоторыя благочестивыя жены пошли ко гробу Спасителя, чтобы помазать тѣло Его благовонными ароматами. Когда они, войдя въ самый гробъ, не нашли тѣла Господа Иисуса и недоумѣвали о семъ, вдругъ предстали предъ ними два мужа (Ангелы) въ одеждахъ блистающихъ и сказали: „что вы ищете Живаго съ мертвыми? Его здѣсь нѣтъ: *Онъ воскресъ*. Идите, скажите объ этомъ ученикамъ Его“. Такъ впервые изъ устъ Ангеловъ было услышано женоми муриносицами радостное привѣтствіе „*Христосъ воскресъ*“. Тотчасъ же муриносицы поспѣшили возвѣстить объ этомъ ученикамъ Христовымъ. „И, возвратясь отъ гроба, повѣствуетъ тотъ же св. евангелистъ, возвѣстили все сіе одинадцати и всѣмъ прочимъ“, радостно воскликнуувъ: „*Христосъ воскресъ*“. Убѣдившись въ истинѣ Воскресенія Христова, Апостолы и святыя жены муриносицы восторженно и радостно привѣтвовали и говорили другъ къ другу: „*Христосъ воскресъ* и взаимно отвѣчали: „Воистину воскресъ“. Отсюда и велеть начало тотъ священный обычай христославія, который доставляетъ намъ столько радости и духовнаго утѣшенія въ свѣтлые дни Пасхи Христовой.

(Вѣра и Разумъ 1904 г. май кн. I, стр. 425).

(Изясненіе пасхальнаго тропара).

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Вотъ первая причина, почему мы нынѣ радуемся и торжествуемъ. Христосъ — свѣтъ во откровеніе языковъ, Христосъ — надежда и чаяніе всѣхъ увѣровавшихъ въ него, Христосъ нашъ ради чelовкѣкъ сшeдшій съ небесъ и воплотившійся отъ Духа Свята

и Марию Деву, и вочеловчившійся, ради насъ грѣшныхъ понесшій трудъ, скорби, страданія и смерть и тѣмъ повергшій всѣхъ увѣровавшихъ въ Него въ глубокую печаль и скорбь,—*воскресе!* Смерть не могла удержать въ своихъ объятіяхъ Начальника жизни, гробъ не могъ вмѣстить Жизнодавца, и изъ гроба возсіяло намъ Праведное Солнце—Христось Богъ нашъ! Спросите: зачѣмъ это нужно было Христу, Единородному Сыну Божію, подвергнуться смерти, на ряду съ мертвыми?—Внемлите, что далѣе говоритъ церковная пѣснь.

Смертію смерть поправъ. И такъ, Христось умеръ на крестѣ для того, чтобы Своею смертію поправить и уничтожить нашу смерть, которая господствовала надъ всѣми земнородными со дня грѣха Адамова. Христось умеръ, чтобы побѣдить смерть и извести изъ ада преисподнѣйшаго всѣхъ, съ вѣрою умершихъ и чаявшихъ Его явленія и утѣшенія. Вотъ почему въ то время, какъ пречистое тѣло Господа находилось во гробѣ, душою Своею Онъ сходилъ во адъ, дабы и тамъ возвѣститъ радость воскресенія и утѣшить души, находившіяся тамъ, надеждою избавленія. Это ли не радость, это ли не торжество для всѣхъ земнородныхъ, пребывавшихъ *во тмѣ снахъ смертнѣхъ*?... Но и этимъ не исчерпываются плоды воскресенія Христова. Внимайте, что еще говоритъ намъ церковная пѣснь.

И сущимъ во гробѣхъ животъ дарававъ. Не только тѣ, которые находились во гробахъ во время воскресенія Христова, воскреснуть, но всѣ, которыхъ постигла и постигнетъ смерть и послѣ этого славнаго событія въ жизни Христа-Жизнодавца, воспользуются благодатными дарами Его свѣтоноснаго востанія изъ мертвыхъ. Если Христось воскресъ, то и всѣ сущіи во гробѣхъ воскреснуть силою Его божества.

Какъ намъ послѣ этого не радоваться, какъ не торжествовать въ *сей нареченный и святой день!* Какъ не воскликнуть изъ души вмѣстѣ съ св. Златоустомъ: Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда? (1 Кор. 15, 55). Христось воскресъ—и ты низложилъ! Христось воскресъ—и пали демоны! Христось воскресъ—и радуются ангелы! Христось воскресъ—и водворяется жизнь! Воскресъ Христось—и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ! Ибо Христось, воскресшій изъ мертвыхъ, *начатокъ умершымъ бысть* (1. Кор. 15,

20)^а (Изъ оглас. слова въ день св. Пасхи). Что теперь наши могилы?—Нивы Божіи, куда повергаются тѣла наши, какъ сѣмена, изъ которыхъ невѣдомымъ для насъ образомъ произрастетъ нѣкогда новое, безсмертное тѣло, какъ изъ малаго соглѣвшаго сѣмени дивно возникаетъ красивый колосъ (1 Кор. 15, 35—38).

Изъ прил. къ Рус. д.я Сел. Паст. Апрель 1905 г. стр. 212.

БЕСѢДЫ

со старообрядцами
о Христовой церкви¹⁾.

Приступая къ бесѣдѣ, 2-го января, я сказалъ: Настоящая бесѣда будетъ продолженіемъ вчерашней. И сегодня, какъ и вчера, рѣчь будетъ объ австрійской церкви. Вчера я указалъ, что австрійщина не можетъ быть признана Христовою церковью потому, что въ Бѣлокриницкомъ Уставѣ, на которомъ основано Бѣлокриницкое или австрійское священство, содержится аріанская ересь, а сегодня разъясню, что она, австрійщина, не можетъ быть признана Христовою церковью потому, что 180 лѣтъ она не имѣла епископовъ.

На это защитникъ австрійщины снова выставалъ безпоповщинскія мнѣнія о возможности паденія всѣхъ епископовъ и утверждалъ, что въ Священномъ Писаніи нѣтъ доказательства о томъ, что всѣ епископы не могутъ уклониться въ ересь.

Я отвѣтилъ:

1) Что священство, Богомъ установленное, пребудетъ всегда, объ этомъ говорится въ притчѣ о десяти мнасахъ. „И рече убо (Господь): человекъ нѣкій добра рода иде на страну далече пріяти себѣ царство и возвратися. Призвавъ же десять рабъ Своихъ, даде имъ десяти мнасъ и рече къ нимъ: куплю днѣте дондеже прииду. И граждане его ненавидаху Его и послаша молитву въ слѣдъ его: не хожемъ

¹⁾ См. Извѣстія по Казанской Епархіи № 14, стр. 409.

сему, да царствуетъ надъ нами. И бысть, егда возвратися, примъ царство, рече пригласити раби твѣ, имже даде сребро, да увѣситъ, какову куплю суть сотворили“ (Лук. 19, 12—15) По толкованію блаженнаго Теофилакта, человекъ добра рода — Христось, страна далече — небо, граждане — юдеи, — раби епископы, священники и диаконы. „Внегда возвратится Ему... Се же есть второе Его пришествіе, егда явится Царемъ во славу Отчей со Ангелы грядый и всяко колѣно поклонится Ему. *Тогда* и дары примшіе рабы слово дѣйствовати обрѣтаются“ (Благов., Лук. 205). Здѣсь о рабахъ, коимъ церкви поручены, сказано: „Ни большемъ лѣпо быти, ни менѣе, еже слова благодатию триє сїи образи въ церкви: очищеніе, просвѣщеніе и совершеніе. Три сїя дѣйства наслѣдуема чиновъ. Диаконы очищаютъ оглашеніемъ ученія, презвитери просвѣщающе крещеніемъ, архіереи же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе. Видиши ли чины въ дѣйствомъ, ни вящше, ни менѣе реку предстоящихъ“ (л. 206). Ясно, что іерархія должна быть въ трехъ чинахъ, ни болѣе, ни менѣе. Если же обратитъ вниманіе на слова Господа: *куплю дѣйте, дождеже прииду*, что значитъ: до второго пришествія, то будетъ несомнѣнно, что іерархія пребудеть вѣчно.

Но съ такимъ моимъ заключеніемъ собесѣдникъ не согласился. Онъ взялъ Евангеліе и прочиталъ слѣдующія слова этой притчи: „Приде же первый, глаголя: Господи, мнѣ твоя придѣла десять мнѣ. И рече ему: благо, рабе добрый: яко о малѣ вѣренъ былъ еси, буди область имѣя надъ десятию градовъ. И приде второй, глаголя: Господи, мнѣ твоя сотвори пять мнѣ. Рече же и тому: и ты буди надъ пятию градовъ. И другій приде, глаголя: Господи, се мнѣ твоя, юже имѣхъ положену во убрѣсъ. Бояхся бо Тебе, яко человекъ яръ еси, вземлещи, его же не положилъ еси, и жнеши, егоже не сѣялъ еси. Глагола же ему: отъ устъ твоихъ сужду тя, лукавый рабе: вѣдѣлъ еси, яко азъ человекъ яръ есмь, вземлю, егоже не положихъ, и жну, егоже не сѣяхъ; и почто не вдалъ еси моего сребра купцемъ, и азъ пришедъ съ лихвою истязалъ быхъ е. И предстоящимъ рече: возмите отъ него мнѣ, и дадите имущему десять мнѣ. И рѣша ему: Господи, имать десять мнѣ. Глаголю бо вамъ, яко всякому имущему дастся, а отъ немущаго, и еже имать, отъимется отъ него“ (ст. 16—26).

Два раба, говорилъ Чертовъ, остались вѣрны Богу, а третій нѣтъ. Кто же этотъ третій?—спрашивалъ онъ. Епископъ, а не священникъ и не диаконъ. Ибо при объясненіи притчи¹⁾ о рабахъ, коимъ поручены церквы, первымъ названъ диаконъ, вторымъ священникъ, а третьимъ епископъ. Значитъ нѣтъ никакого основанія утверждать, что епископы не могутъ уклоняться въ ересь. Наоборотъ, въ притчѣ прямо сказано, что епископы не устоятъ въ благочестіи и уклонятся въ ересь. Такъ и случилось, какъ сказано. А о. Сергій говоритъ, что эта притча Спасителя подтверждаетъ его мнѣніе, что епископы никогда не уклонятся въ ересь. Это я говорю на основаніи словъ Самого Господа, а не отъ себя“.

Въ обличеніе Чертова я указалъ, во-первыхъ, на то, что въ притчѣ злой рабъ не названъ епископомъ, какъ не названы первый диакономъ, а второй священникомъ, а во-вторыхъ—на то, что злому рабу ввѣренъ былъ лишь одинъ мнасъ, тогда какъ тотъ вѣрный рабъ, которому переданъ мнасъ злого раба, имѣлъ десять мнасъ (ст. 24). Кто же этотъ рабъ? Ужели диаконъ? Развѣ диаконъ имѣетъ болѣе благодати, чѣмъ епископъ? Нѣтъ, друзья, неправо Теодоръ объясняетъ Писаніе. Онъ думаетъ, что притча о талантахъ (св. Матѳея) и о мнасахъ (св. Луки) одна притча, тогда какъ, по объясненію толковниковъ, злѣсь ихъ двѣ. Такъ, въ Толковомъ Евангеліи на Матѳея, при объясненіи притчи о талантахъ, сказано: „Помѣщенная въ 19 главѣ Евангелія отъ Луки притча о 10 мнасахъ—совершенно другая, хотя и сходна во многомъ. Тамъ были дары равные, но прибыли и награды не равные. Эта притча разсуждаетъ о различныхъ дарахъ учительства, сообщенныхъ не въ равной степени, а та—о различныхъ дарахъ, но сообщенныхъ въ одинаковой степени“ (Евѳимій Зигабень, стр. 343).

2) О вѣчности епископовъ есть и прямое свидѣтельство. Такъ въ книгѣ о вѣрѣ (л. 59 об.) читаемъ: Христосъ „не восхотѣ достояніе Свое оставити на земли неустроено отходя на небеса, но иземъ два сребренника, даде гостинникомъ, се есть старый и новый завѣтъ. Кому же даль? Кто

¹⁾ Слово притча Чертовъ произносилъ „притча“. Я не исправлялъ его, а учитель школы сильно возставалъ противъ такого произношенія.

гостинницы? Апостолы и по нихъ воспріемницы ихъ, пастыріе и учителя, архіепископы и епископы, иже служителие суть величеству смотрѣнія Его, имже и съпробывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори. И по Своему неложному обѣтованію благодатнѣ избираетъ себѣ людей достойныхъ, и поставляетъ и освящаетъ рукоположеніемъ чина духовнаго чрезъ патріархи и архіепископы и епископы“.

Феодоръ Чертовъ имѣетъ привычку—перечитывать каждое приведенное мною свидѣтельство и объяснять его по своему мудрованію. Перечиталъ онъ и это свидѣтельство и объяснилъ, что Господь, по свидѣтельству блаженнаго Симеона Солунскаго (л. 414 об.), пребываетъ не только съ епископами, но и со всѣми вѣрующими, именно чрезъ таинство св. причащенія. „А такъ какъ въ старообрядческомъ обществѣ священники не прекращались и таинство причащенія всегда совершали, то значить,—говорилъ онъ,—и съ ними Христосъ былъ неотступно“.

Возражая ему, я говорилъ, что онъ могъ бы это сказать, если бы я говорилъ, что съ ними Христосъ не пребывалъ; но такъ какъ я прочиталъ изъ книги о вѣрѣ *о истинности епископовъ*, то и онъ долженъ былъ говорить о томъ же. Если же онъ не сталъ объ этомъ говорить, то, значить, нечего было сказать ему объ этомъ. Поэтому онъ и сталъ хвалиться своимъ причастіемъ и указывать, что съ ними якобы Христосъ пребывалъ неотступно. Но вѣдь, и это—чистѣйшая ложь! Христосъ пребываетъ съ тѣми вѣрующими, у коихъ причастіе истинное. Но могло ли быть таковое въ бѣглоповщинѣ? Отнюдь нѣтъ, ибо святыя апостолы и святыя отцы разъясняютъ, что священники, если не имѣютъ благословенія епископа, не могутъ священнодѣйствовать. Такъ въ 39 правилъ святыхъ апостоль сказано: „Безъ воли епископа своего, пресвитеры или діаконы да не творятъ ничтоже“. Св. священномученикъ Игнатій Богоносець говорить: „Безъ епископа никто не дѣлай ничего, касающагося церкви. Только ту Евхаристію должно почитать несомнѣнною, которая совершена епископомъ или кому онъ самъ повелитъ... Непозволительно безъ епископа ни крестить, ни совершать предложеніе, ни приносить жертву, ни праздновать вечерю (любви)“ (Смирн.). А Гангрскій соборъ заповѣдуетъ: „Аще кто кромѣ соборныхъ церкви о себѣ собирается,

и перада о церкви, церковная хоцетъ творити, не сущу съ нимъ презвитеру, по воли епископи, да будетъ проклятъ“ (пр. 6). Въ Толковомъ же Апостолѣ прямо говорится, что въ бѣглопоповщинѣ никакихъ тайнъ быть не можетъ: „Еретицы... іереевъ въ благочиннѣхъ посланныхъ не имѣють. Аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ, единаче тайны безъ единости церкви христіанскія ничесоже суть, ибо всѣмъ, отлучившимся отъ единенія церковнаго, Богъ пророкомъ рече: послю на вы клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е, и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ, сирѣчь положу клятву на благословеніе ваше, имъ же тайна совершаема бываетъ. Ибо церковь Божія есть, якоже глаголетъ писаніе, вертоградъ заключенъ и источникъ запечатлѣнъ, и того ради невозможно нигдѣ же тайнъ совершатися, толико во единости церкви Божія, ея же между сонмищи еретическими нѣсть, тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть.“ Итакъ, только тамъ есть истинное причащеніе, гдѣ есть епископы. Господь пребываетъ съ епископами, а чрезъ совершаемое ими таинство причащенія—и со всѣми вѣрующими. Поэтому въ писаніи и говорится о вѣчности какъ епископовъ, такъ и таинства причащенія. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Одолѣна была церковь, если бы не былъ съ нами Христосъ“ (Бес. Ап. стр. 574). Значитъ, нѣтъ церкви тамъ, гдѣ не совершается таинство причащенія, какъ у безпоповцевъ, нѣтъ ея и тамъ, гдѣ нѣтъ епископовъ, какъ у бѣглопоповцевъ, не можетъ ея быть и въ австрійщинѣ, потому что въ ней не было ни одного епископа 180 лѣтъ и не могло быть совершаемо таинство причащенія. Ясно, что ихъ церковь не Христова, а одолѣнная вратами ада, какъ разъясняетъ Св. Златоустъ. Установленное же Христомъ архіерейство не временное, а вѣчное, ибо въ Кирилловой книгѣ объ этомъ прямо сказано:

3) „Престало тогда *архіерейство* Аароново, яко временное, *возстало же Христово вѣчное*, иже изъ мертвыхъ возставъ, Апостоловъ Своихъ на се освяти хиротонією, се же есть руковозложеніемъ. И возвигъ рудъ Свои, и благослови ихъ, и вознеся на небо (Лук. зач. 114). А Апостоли паки епископовъ освятиша, якоже пишетъ: тогда постившеса, и помолившеса, и возложше руки на ня, и отпустиша ихъ проповѣдати слово Божіе. А епископи паки поповъ“ (л. 77).“

По поводу сего свидѣтельства Θεодоръ тоже слѣлалъ якобы возраженіе. Но какое. Онъ прочиталъ слова: якоже Самъ (Христось) никогда не умираеть, тако же и іерейство его по чину Мелхиседекову не престаеть“; и сталъ объяснять, что у нихъ священство не прекращалась, ибо священники были всегда. Ясно, что онъ ничего не могъ сказать противъ вѣчности епископства.—Я же, съ своей стороны, указывалъ, что Христось далъ церкви „овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя, въ совершенію святыхъ. (Евр. 4, 11—13). По словамъ св. Златоуста, „пастыре и учителя... яко Тимоѳей и Титъ“ (Бес. Ап. стр. 1688). Они — епископы (Толк. Ап. л. 792). Епископы же преемники Апостоловъ (Кормчая л. 56). „Имъ дарована бысть и благодать Духа пнѣмъ раздавати“ (Тамъ же). Очевидно, что епископы занимають въ церкви первое мѣсто, а не послѣднее. Понятно и сказанное: „не можетъ церковь безъ епископа быти“. „Елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть“. Ненаходящіяся въ единеніи съ епископомъ, не находятся и въ церкви; ибо епископъ въ церкви и церковь въ епископѣ“, такъ что безъ него не можетъ быть „ниже жертвенникъ, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане“, Слѣдовательно, когда читаемъ слова Господа: *созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѡ. 16, 18), то церковь нужно разумѣть съ епископомъ, а не безъ епископа, какъ думаютъ старообрядцы. Если же это предсказаніе произнесено тогда, когда еще названіе церкви никому не приходило на умъ, и должно исполниться при концѣ міра (Златоуст. т. 6. стр. 635), то не ясно ли, что о прекращеніи епископовъ не можетъ быть и рѣчи. На основаніи сказаннаго и прочитываемаго мною я утверждаю, что во Священномъ и святоотеческомъ писаніи прямо сказано, что *всѣ* епископы не могутъ уклониться въ ересь. Съ своей стороны я желалъ бы знать какой святой отецъ училъ, что церковь можетъ быть и безъ епископа.

Собесѣдникъ указалъ на св. Апостоловъ, что они не повѣрили воскресенію Христа Спасителя. Онъ прочиталъ въ доказательство сего слѣдующія слова изъ Евангелія отъ Марка: „Воскресъ Исусъ завтра въ первую субботу, явися прежде Маріи Магдалинѣ, изъ нея же изгна седмь ѡбсѡвъ.

Она же педши возвѣсти съ Нимъ бывшимъ, плачущимся и рыдающимъ. И они, слышавше, яко живъ есть и видѣнъ бысть отъ нея, не яша вѣры. По сихъ же двѣма отъ нихъ грядущема явися ииѣмъ образомъ идущема на село. И та педша возвѣстиста прочимъ: и ни тѣма вѣры яша. Послѣди же возлежащимъ имъ единомунадесяти явися и поноси невѣрствію ихъ и жестокосердію, яко видѣвшимъ Его воставша не яша вѣры“. (16, 9—14). Замѣчательно, что Теодоръ въ послѣднемъ стихѣ слово: „видѣвшимъ“ читалъ: „видѣвше“, такъ что выходило, что Апостолы не повѣрили не только мироносицѣ Маріи Магдалинѣ и Емаусскимъ спутникамъ—Лукъ и Клеопѣ, а не повѣрили и самому явленію Христа. Я, конечно, восстановилъ правильность чтенія, но не уяснилъ себѣ, почему Теодоръ такъ читалъ: по невѣжеству или злонамѣренно. Обращаясь же къ мнимому „невѣрію“ Апостоловъ воскресенію Христа Спасителя, я указалъ на 63-е зачало отъ Іоанна, гдѣ повѣствуется, что св. Апостолы Петръ и Іоаннъ повѣрили воскресенію Іисуса Христа еще прежде явленія Его Маріи Магдалинѣ, и, подтвердивъ сію мысль толкованіемъ Блаженнаго Теофилакта (Благов., Іоанн. зач. 63), заключилъ, что нельзя утверждать, якобы *всѣ* Апостолы не повѣрили воскресенію Іисуса Христа. Это съ одной стороны. Съ другой стороны мною было выяснено, что обѣщаніе Христа Спасителя о вѣчномъ съ ними пребываніи Апостолы получили уже по явленіи Его къ нимъ, а не тогда, когда они не были увѣрены въ Его воскресеніи. Значить, и не нужно бы касаться того времени.

Я привелъ затѣмъ святоотеческія свидѣтельства по вопросу: можетъ ли церковь быть безъ епископа? Любопытно, что защитникъ австрійщины на каждое свидѣтельство, приводимое мною, дѣлалъ, по его выраженію, „возраженія“, на самомъ же дѣлѣ не иное что, какъ самобичеваніе, потому что не только православные, но и безпоповцы, конечно, нѣкоторые, болѣе начитанные, смѣялись надъ его лживыми мудрованіями. Такъ, когда я прочиталъ слова св. Златоуста: „не можетъ церковь безъ епископа быти“, онъ сталъ разъяснять, что эти слова относятся къ церкви помѣстной, константинопольской, какъ будто епископъ нуженъ только для помѣстной церкви, а для вселенской не нуженъ.

По поводу словъ св. Игнатія Богоносца: „елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть“, сказалъ, что это говорится про епископа православнаго, а не объ еретическомъ.

О словахъ блаженнаго Симеона Солунскаго, — что безъ архіерейства нѣтъ ни священниковъ, ни таинствъ, ни самого христіанства, — сказалъ, что они къ нимъ, австрійцамъ, не относятся, потому что у нихъ хотя епископовъ не было, а архіерейство было, какъ, напримѣръ: священники, антиминсы, миро, таинства. Но такъ какъ безблагодатность бѣглыхъ поповъ была доказана, то его оправданіе австрійщины производило отталкивающее впечатлѣніе.

Приведены мною были и слова св. Мееодія, помѣщенныя во второй книгѣ преп. Никона Черногорца: „Егда нѣсть ту архіерея, таковѣмъ не дастся Духъ Святой, якоже вѣрущимъ“ (л 141 об.). Феодоръ сказалъ, что они касаются лишь безпоповцевъ, а я, прочитавъ дальнѣйшія слова: „и егда то не имуть, его же не пріятша, таковымъ образомъ како ивѣмъ подадутъ знаменіе на духовныя службы“, разъяснилъ, что они по преимуществу относятся къ Іерониму, бѣглому іеромонаху, принимавшему бѣлаго митрополита Амвросія.

Такъ обличался расколъ во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ. Безпоповцамъ непріятно было выслушивать, что я обличалъ не только поповщину, но и безпоповщину. Многіе, особенно передовые, стали настаивать, чтобы прекратить бесѣду о священствѣ, а приступить къ бесѣдѣ о православіи нашей православной церкви. На это согласился и собесѣдникъ, видя, что по вопросу о прекращеніи въ австрійщинѣ епископства на 180 лѣтъ безпоповцы стоятъ противъ него.

Хотя для полнаго обличенія австрійщины нужно было выяснить объ неимѣніи въ ихъ обществѣ таинства рукоположенія, а также о симоніи и черкесскихъ трупахъ, но въ виду всеобщаго желанія прекратить бесѣду о семъ потому, что австрійщина не можетъ быть признана Христовою церковью, я объявилъ бесѣду закрытой и вмѣстѣ съ православными пропѣлъ молитвы „Достойно есть“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“.

Какъ ни много было слушателей, но они не расходились, ожидая слѣдующей бесѣды, которая должна была на-

чаться чрезъ условленные полчаса. Въ это время между поповцами и безпоповцами состоялось сближеніе. Безпоповцы требовали отъ Чертова, чтобы онъ обличалъ православную церковь въ мнимыхъ „ересяхъ“, и сдѣлались не такъ спокойны, какъ во время прежнихъ двухъ бесѣдъ.

Миссіонеръ, священникъ *Сергій Толтъинъ*.

Хлыстовскіе стихи.

Въ дополненіе къ данной мною характеристикѣ хлыстовскихъ радѣнныхъ стиховъ („Изв. по Казанской епархіи 1903 г.) могу привести слѣдующіе отрывки, добытые мною во время моихъ посѣщеній зараженныхъ хлыстовствомъ селъ и деревень.

Хлыстовское „Божье слово“

„Здравствовалъ батюшка,
Ликовался сынъ божій,
Гость богатый, царь небесный,
Судья милосердный,
Въ Московскомъ царствѣ,
Въ святомъ своемъ Римѣ-Іерусалимѣ,
Въ дому божіемъ-Давидовомъ,
Со своими вѣрными и праведными.
Изволилъ батюшка покатить
Съ вѣрными въ путь-дороженьку;
И катить онъ, батюшка,
Селомъ мимо приходской церкви,
Сравнялся съ церковью,
И шапочку съ пречистой головушки не скинулъ,
А плюнулъ на церковь,
И покатилъ дальше.
Катить селомъ, а въ одномъ домѣ
Свадьба была.
Батюшка съ пречистой головушки
Шапочку скинулъ, повернулся къ воротамъ,
Гдѣ свадьба была,
Поклонился и крестное знаменіе сотворилъ
И покатилъ въ домъ,
Гдѣ была назначена бесѣдушка.

А тутъ де и подошли къ нему
Вѣрны-праведны
И стали батюшку спрашивать:
Сударь батюшка! судишь ты судъ въ притчу,
Разсуди въ чувствіе:
Вотъ катили де мы мимо
Мимо приходской церкви
А вы де и шапочку
Съ пречистой головушки не скинули
И на церковь плюнули,
А шли де мимо домишка,
Гдѣ свадьба была,—
Вы де и шапочку
Съ пречистой головушки скинули
И перекрестились.
А батюшка праведнымъ проглаголовъ:
„А вы де развѣ этого не знаете?“
— „Нѣтъ де не знаемъ!“
— „Ну такъ я вамъ скажу,—слушайте:
Шелъ де я мимо церкви,
А въ церкви то миръ-народъ,
А ненавистникамъ де и нельзя
Туда попасть-то,—
Они де всѣ на оградѣ и сидятъ,—
Это я на нихъ де и плюнулъ.
А шли де мы мимо дома,
Гдѣ свадьба была,
Я шапку скинулъ и перекрестился,
Потому что въ избѣ-то пиръ шелъ,
А у воротъ то сидѣли ангелы,
Такъ я де ангеламъ то и поклонился.“
И изволилъ сударь, батюшка,
Проглаголовъ:
„Кто изъ моихъ „божьихъ людей“
Пойдетъ на свадьбу,
Или только въ ворота, въ дырочку
Поглядитъ на свадебное дѣло,—
Тоё де я душу,
За каждаго человѣка,
Сколько на свадьбѣ пируетъ

На сто лѣтъ въ муку сошло.
И на томъ у батюшки
Судъ Божій исполнился.

Когда хлысты провожаютъ очередныхъ сторожей на караулъ радѣнной „палатушки“, они поютъ:

„Тебѣ Богъ въ помощь, добрый молодець.
На пути стоять—на дороженьѣ.
На дороженьѣ бѣлой Спасовой.
Ни кому ты, братъ, про тѣ дѣла
Не сказывай,
Свою тайну крѣпче связывай,
Ты шелковыми еѣ путами,
Не водись ты, братъ, съ тѣми плутами,
Отгоняй ка, братъ, ты ихъ кнутами
Во тоѣ рѣку во огненну“.

Подъ „плутами“ здѣсь разумѣются православные, желающіе послушать дѣянія хлыстовъ и посмотрѣть на ихъ радѣнія.

Стихъ—описывающій борьбу души (Марьи) съ плотью (Марею).

Какъ у насъ было,
У насъ на Дону,
Въ избѣ на полу
Раздралися Марья
Съ сестрой Марею.
Прибила Марья сестру Марю
Больно нѣ больно, индо до крови,
И до той ли крови, до жидовской;
И пошла Мареа къ тому царю,
Къ тому царю, Свѣту батюшкѣ:
„Сударь батюшка, свѣтъ богатый гость!

Прибила меня сестра Марья
Больно нѣ больно, индо до крови,
И до той крови, до жидовской,
Какъ золота трубонька
Жалобнехонько она вострубила.
И проглаголоваль сударь батюшка,
Свѣтъ богатый гость, свѣтъ небесный царь:
„Ужь и ты ли, Марья,

За что прибила сестру Марёу? ото зН
Больно на больно, индо до крови, ян П
И до той ли крови, индо до жидовской? СД
Отвѣчала Марья сударю батюшѣ: П
„Сударь батюшка, свѣтъ богатый гость, П
Свѣтъ богатый гость, свѣтъ небесный царь! П
Не слушаетъ, вѣдь, меня сестра Марёа: П
И куда пошло, — такъ не дошлешься; П
Хотя дошлешься — такъ не дождешься; П
Хотя дождешься — не доспросишься; П
Хоть доспросишься, — такъ осѣрдится;“ П
Какъ золота трубка она вострубила. П
Жалобнехонько она вострубила. П
И промаголоваль сударь батюшка, П
Сударь батюшка свѣтъ богатый гость, П
Свѣтъ богатый гость, свѣтъ небесный царь: П
„Ужь и ты, Марёа, какъ бы слушалась Марьи П
Не лежать бы тебѣ во сырой землѣ, П
А лежать бы тебѣ, что поверхъ земли; П
Не лежать бы тебѣ во сырой землѣ, П
И не точить бы тебя могильнымъ червямъ, П
Что лежать бы тебѣ на верху земли, П
На верху земли чюдеса творить; П
И давать бы тебѣ — слѣпымъ — зрѣніе, П
Хромымъ — хожденіе. — П
И несло бы отъ тебя благоуханіемъ.“ П

Стихъ, воспѣвающий „близость хлыстовъ къ Богу“:

„Дураки вы дураки — П
Деревенски мужики; П
Ужь и бьютъ васъ, дураковъ, П
И бранятъ васъ, дураковъ; П
Еще эти дураки П
Ровно съ меломъ бураки. П
Какъ во этихъ дуракахъ П
Самъ Господь Богъ пребываль, П
Сударь батюшка родной, П
Гость богатый дорогой, П
Повалиль нашъ Государь П
Во верхову сторону, П

Во верхову лугову,
Въ старый городъ Кострому,
Онъ во Старую деревню,¹⁾
Во Кріушино село.
Во Давидовъ-Божій домъ,
Гдѣ нашъ батюшка
Бесѣдушки бесѣдуетъ,
Распремудрые глаголы,
Свѣтъ, глаголетъ,
Отъ грѣха онъ, отъ бездѣлья
Заповѣдуетъ.
Съ нами сынъ то сударь божій,
Помилуй сударь насъ.“

Стихъ, воспѣвающий хлыстовскую „избранность“:

„Какъ бы зналъ я про то, вѣдалъ,
Про батюшкино про усценіе,
Про его святое вознесеніе,
Я бы съ батюшкой насидѣлся,
Я бы съ батюшкой наговорился,
Я бы наплакался, навопился.
А на томъ ему свѣту спасибо,
Что онъ вывелъ же насъ кормилецъ,
Онъ изъ темнаго насъ изъ лѣса,
Онъ изъ черной насъ изъ грязи,
Изъ свининскаго насъ изъ стада,
Онъ поставилъ же насъ, наша надеждинька,
На дороженьку, на прямую,
На Христовую, столбовую.
Ужъ вы стойте ва, мои други,
Ужъ вы стойте, не шатайтесь,
Въ умъ разумъ не мѣшайтесь.“

Когда хлысты достаточно накоются и напьянутся на своемъ радѣннѣ, то начинаютъ подговариваться въ хозяину

¹⁾ Деревня Старая и село Кріушино лежатъ рядомъ и находятся въ Костромской губерніи въ 25 верстахъ отъ г. Костромы.

палатушки: „время де и позаправиться“, или, какъ говорятъ хлысты, начинаютъ пѣть

„запрестольныя стихи“:

„Лебедь лебединъ,
Лебедушка бѣлая,
Вы сказали, лебединъ,
Что мы хлѣба не ѣдимъ,—
Коль поставишь, такъ ѣдимъ,
Не поставишь,—такъ глядимъ.
Лебедушка бѣлая,
Ты насъ потчуеть сномъ,
Мы ужъ не ѣвши
День весь мрѣмъ.
Со молитвой, со крестомъ
Накрывайте на престоль
Съ Богомъ, батюшкой Христомъ.“

Во время пѣнія этой пѣсни хозяйинъ съ хозяйкой вносятъ столы, покрываютъ скатертьми и готовятъ обѣдъ, а гости хлысты попарно садятся за столъ и поютъ другія „запрестольныя“ пѣсни:

„Среди было Московскаго, други, царства,
Среди то было Московскаго государства:

Тутъ стояла же палатушка грановита,
Грановита палатушка златоверха,

Какъ во этой во палатушкѣ
Сударь батюшка катаеть,

Онъ дубовые столы, сударь, разставляетъ,

И яства, сударь, сахарныя разставляетъ,

И поила, сударь, медяныя разливаетъ,

Во палатушку царскія двери растворяетъ

И вѣрныхъ праведныхъ сударь встрѣчаетъ,

И за дубовы, сударь, столы ихъ сажаетъ,—

Онъ поить то, наша надеждинька,

И кормить,

Онъ грубости, наши досадушки,

Сударь, не помнитъ;

Обѣщался, наша надеждинька,

Насъ не покинуть,

*08 Со пречистыхъ рученекъ

Насъ не скинуть.

Дай намъ, Господи,

Иисусъ, сударь, христось,

Дай намъ сына сударь Божій,

Помилуй насъ.“

По окончаніи обѣда хозяинъ убираетъ все изъ палатухи, а хлысты поютъ:

„Хозяинъ, хозяинъ, хозяинушка,

Еще чистый ли дворъ?

Метена ли изба?

Какъ у нашего у батюшки

Игра пошла,

Игра пошла—цирь на веселѣ.“

„Во старомъ было,

Въ Стародубидѣ.

Есть тамъ гора,

Городинушка.

На этой горѣ,

Городинушкѣ,

Водятся птицы

Орлы—соколы.

Эти соколы

Не боятся сатаны:

Нѣту ти дѣла

До нихъ нивому,

Есть де только дѣло

Свѣту батюшеѣ,

Свѣту батюшеѣ сударю

И небесному царю,

Сыну, государю,

Свѣту Божію.“

Когда все уберуть, подметуть палатуху и что нужно приготовить, хлысты раздѣляются на пары, встаютъ въ кругъ и поютъ:

„Еще царь со царемъ—

Она женятся,

Онъ беретъ невѣсту вышнюю,

У савваооа дочку ближнюю;
Онъ беретъ её со приданнымъ:
Приданого 40 тысячъ казаковъ,
А стрѣльцовъ, бойцовъ
И смѣты нѣтъ.

Два завода беретъ конныхъ,
У коней копыта мытыя,
Серебромъ они подбитыя,
А ковры то со коронами
И съ большими оборонами“.
„Ужъ вы, старые солдаты,
Вы Донскіе казаки,
Вы вставайте ка въ строй
Сочиняйте съ плотью бой.
Хотя дуракъ похвалился
Въ треисподню самъ свалился“....

Послѣ чего тушится огонь, хлысты, объявивши съ плотью бой, ложатся спать попарно: мужчины на лавкѣ, а женщины подлѣ на полу. На основаніи тѣхъ недвусмысленныхъ словъ, которыми перекидываются послѣ этого пары (передать ихъ неудобно), а также на основаніи словъ заключительной хлыстовской пѣсни, можно предполагать, что объявленная хлыстами „борьба съ плотью“ оказывается въ концѣ-концовъ непосильною для нихъ.

Послѣ радѣнія хлысты поютъ:

„Дѣвица молодца переумничала,
Переумничала, переразумничала,
Оставляла дѣвица его безъ коня,
Заставляла дѣвица во вѣкъ пѣшаго ходить,
Во вѣкъ пѣшаго ходить,
Во злату трубу трубить,
Во злату трубу трубить,
Вѣрныхъ праведныхъ будить.“

Священникъ *Алексій Урбанскій.*

Со страницъ приходскаго дневника.

Очень еще недавно то время, когда чуваша въ бракѣ всю важность и силу онаго полагали въ справленіи свадебнаго пира, а не въ совершеніи вѣнчанія;—фактическое подтвержденіе чему-то, что брачующіеся напередъ во всей чувашской пышности, по всѣмъ правиламъ своихъ обрядовъ и обычаевъ, со внесеніемъ сюда полуязыческихъ и нерѣдко языческихъ элементовъ, справляли пирь, а потомъ уже, черезъ нѣсколько дней, и даже иногда недѣль, являлись на вѣнчаніе. Въ настоящее время подобныя печальныя явленія, пожалуй-что, — явленія исключительныя, встрѣчающіяся уже только въ темныхъ уголкахъ нашихъ захолустныхъ приходоѣ.

И у чувашъ теперь въ бракѣ актъ вѣнчанія предшествуетъ акту свадебнаго пиршества, хотя, въ сожалѣнію, послѣдній по настоящее время считается столь же обязательнымъ, какъ и вѣнчаніе въ церкви.

Не рѣдкость еще видѣть чувашинина, являющагося на вѣнчаніе въ день брака, какъ говорится, эспромптомъ, въ грязной рваной одеждѣ, безъ болѣе или менѣе приличнаго порядка внѣшности и надлежащаго внутренняго христіанскаго настроенія, требующагося тайнствомъ. Для такого жениха вѣнчаніе—дѣло какъ-бы второстепенное, главное-же эта—свадьба, на которую онъ, какъ женихъ, выступаетъ неузнаваемымъ и по внѣшности и по внутреннему настроенію. На свадьбѣ является какъ-бы не тотъ женихъ, которому въ церкви на вѣнчаніи только и нужно было твердить—сѣх-сѣх, сѣх-сѣх, — крестись,—молись, а какъ-бы совершенно другой, который, какъ по-писанному, съ воодушевленіемъ ведетъ свадебный репертуаръ, съ какой-то особенной „тайственной святостью“ выполняя положенное завѣтами свадебной чувашской старины. Въ удовлетвореніе этой старины нежалѣючи жертвуются и средства и время, идущія на свадебный кутежъ, шумно продолжающійся нѣсколько дней, безъ пощады воскресныхъ и праздничныхъ дней съ ихъ канунами. Свадебный пирь наканунѣ праздника—хорошее условіе счастливой жизни новобрачныхъ, говорятъ чуваша, мало разсуждая о нарушеніи въ данномъ случаѣ святости праздниковъ и о грѣховныхъ послѣдствіяхъ этого.

Долгъ пастыря усиленно бороться съ сказаннымъ недугомъ;—его обязанность: „настой, обличи, запрети“....

Вотъ собственно объ этомъ-то я, своею издалека начатаю рѣчью, и хочу высказаться.

Для краткости и наглядной ясности, позволяю себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ приходской пастырской практики.

Женится, на примѣръ, „богатый Василій“ на такой-же „богатой Аннѣ“.... Выполнивъ положеннымъ чиномъ порядки, обычаи, словомъ, церемонію сватовства, въ назначенный день нареченные являются на вѣнчанія,—послѣ коего тутъ-же, обыкновенно тихонько, въ церковной сторожкѣ, поздравившись выпивкой, закусивъ „хыбартами и сюхами изъ кожанаго тоемака“ расходятся всякъ по своимъ домамъ до свадебнаго пиршества, день коего, въ виду того, что еще не всё въ пиру готово, а главное маловато пива, надлежало условленъ еще... Но вотъ, наконецъ, готово всё, и пива наварено нѣсколькихъ сортовъ, хотъ голову мой, и объявленъ съ нетерпѣніемъ жданный день свадебнаго пиршества „богатаго Василя“,—и, думаете, когда?! въ канунъ двенадцатаго праздника: вѣдь Василій „примѣтный человекъ“, такъ пусть будетъ примѣтенъ и день свадьбы его! На увѣщаніе пастыря оставить такое безчинство, отложивъ пиръ до другого дня, Василій, по принятому обычаю, сваливаетъ свою вину на другого, винить въ томъ родственниковъ невѣсты, и уклончиво соглашается: „ладно, батюшка, видно мѣнять надо день, хотя день и больно хорошъ, развѣ только тебя слушать (одолженіе священнику), ладно, ладно, стану мѣнять день“.—Съ такими словами оставляетъ Василій пороги квартиры своего духовнаго отца.—Но на самомъ дѣлѣ онъ измѣняетъ своему слову: день свадебнаго пиршества не отмѣняется.—И, тогда какъ въ храмѣ идетъ торжественное праздничное служеніе, у Василя въ полномъ разгарѣ шумная свадьба.

Понятно, пастыремъ, вслѣдствіе такого безчинства, дѣлается должное и надлежащее наставленіе и вразумленіе по адресу явныхъ нарушителей святости праздниковъ и церковныхъ порядковъ, съ предостереженіемъ не подражать безчинствующимъ и не слѣдовать ихъ дурнымъ примѣрамъ....

Сѣмя пастырскаго назиданія падаетъ, конечно, на различную почву.... Не добрую почву представляетъ собой и Василій, старающійся, во что-бы ни стало, предъ своей совѣстью и предъ людьми оправдать свой поступокъ: „свадьбу я на свои деньги игралъ, всѣхъ хорошо угостилъ, и попу за вѣнчаніе заплатилъ, за это меня надо благодарить, съ Василиемъ надо жить мирно, сердиться нельзя,—а попа, если будетъ на меня сердиться, „мѣнять могу.... У меня денегъ вѣдь много“.... Вотъ поди съ Василиемъ и разсуждай,—у него свои понятія, свои доводы и, въ случаѣ чего, угрозы!...

Но это еще не всё. Какъ „ни крѣпко Василій пировалъ свадьбу“, а на дѣлѣ вышло плохо: черезъ полгода молодуха Васильева сбѣгаетъ обратно къ своимъ родителямъ, и Василій остается при печальныхъ интересахъ... Постигшее Василія несчастье нѣкоторыми объясняется, какъ наказаніе за грѣхъ устройства свадьбы въ неурочное время.

Такъ оно, или нѣтъ—судить не намъ, а только Василій и друзья его причину сказаннаго несчастья видятъ въ другомъ: „во время свадьбы вмѣсто добра кто нибудь пожелалъ зла,—это лихость пала“.... Тонкіе намеки на упреки священника! „Кому быть лихолѣмъ, какъ не попу,—онъ недоброжелатель своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ устройство свадьбы нарушилъ мирное теченіе вещей, и испортилъ дѣло, подозрительно предполагаетъ Василій.—Кому-же больше, какъ не ему—попу, устроить это, онъ это виновникъ сего, подобострастно увѣряютъ Василія его сторонники и соучастники въ дѣлѣ свадьбы. По сердцамъ попа лихость пала, заключаютъ Василій и К^о“.... По обычаю чувашина, всякій недоброжелатель его, хотя бы только и подозрѣваемый, подлежитъ тайному или явному мщенію;—а если такъ, то, значить, подлежитъ оному и... Пастырь;—вопросъ: за что?! А за то: „не говори правду, не теряй дружбу“.—не мѣшай „богатымъ Василіямъ“ поступать такъ, какъ они хотятъ.—Хоть плохо, а будь по ихнему....

Таковы приходскіе „Василіи“!

Посмотримъ далѣе, каковы еще „Иваны“.

Является, напримѣръ, Иванъ крестить ребенка.... Дурная у чувашъ привычка крестить младенцевъ прямо въ холодной (даже и зимой) негрѣтой водѣ,—лучше-де, здоровѣй,

връще будетъ... Понятно, пастырю приходится бороться съ этимъ зломъ, заставляя готовить теплую, грѣтую воду. Но горе и съ грѣтой водой... Чувашинь, вмѣсто того, чтобы полчаса заранѣе придти—пріѣхать и согрѣть воду въ сторожкѣ, или наканунѣ попросить сдѣлать то церковнаго сторожа, везеть грѣтую воду изъ дому, и, по обыкновенію, не въ водяной посудѣ (подходящая не у каждаго имѣется, а попросить у сосѣда считается излишнимъ...), а въ квасной, или пивной, всего чаще—въ пивномъ двухъ-трехведерномъ боченкѣ (такъ-какъ таковой имѣется въ каждомъ домѣ, для ѣзды съ пивомъ по деревнямъ въ гости...). Кипятокъ, влитый въ сказанный боченокъ, превращается, конечно, изъ чистой воды въ ополоски. Вотъ такіе-то ополоски сплошь и рядомъ готовятся „Иванами“ для крещенія ребятъ. На замѣчаніе, что вода „чего-то не совсѣмъ чиста и свѣжа, Иванъ не безъ удивленія начинаетъ доказывать, что вода чиста, а если она сомнительнаго вида и запаха, то это отъ того, что привезена въ пивномъ боченкѣ,—это не бѣда: вѣдь пиво чисто (значить и ополоски), мы его вѣдь пьемъ, не безъ обидчивости заключаетъ Иванъ свою доказательную логику;—значить, чего-же вы де врите и придираетесь, побѣдоносно думаетъ Иванъ, хотя въ тоже время чувствуетъ, что онъ не правъ въ своемъ доказательствѣ, зная и понимая, что въ пивѣ ребятъ не крестятъ, и ополоски для водоосвященія не употребляютъ. На наставленіе о чистотѣ крестительной воды, требующейся святостью таинства, и вразумленіе впредь знать, какую воду готовить, Иванъ твердитъ—сяпла—сяпла (такъ, такъ) повидимому соглашаясь съ наставленіемъ, а въ сущности нисколько не думая о томъ, чтобы запомнить и исполнить данный ему совѣтъ пріѣзжаетъ онъ во второй, третій разъ крестить, и опять таже исторія: или вода ледъ, или грязный кипятокъ...

Вѣдь чувашининъ забывчивъ, своеобразливъ и, подчасъ, упрямъ!..

Начни поостроже и настойчивѣй, то сейчасъ: „не хорошъ, мѣнять его“!!!...

Сказавъ о томъ, какъ „Василіи“ брачатся, какъ „Иваны“ крестятъ ребятъ, скажемъ еще о томъ, какъ они хоронятъ и хоронятся.

Не въ обычаѣ у чувашъ долго держать покойниковъ: вечеромъ умерь, утромъ хорони,—утромъ умерь, вечеромъ хорони...

Приходитъ „Иванъ“ съ заявленіемъ, что у него умеръ братъ Василій.—Когда, батюшка, велишь привозить? Назначается время,—Иванъ уходитъ. Не проходитъ и часу, какъ является Петръ съ довлaдомъ, что Василія, брата Иванова, привезли къ церкви,—могила скоро будетъ готова, значить, надо отпѣвать....

Да я, начинаетъ священникъ, сегодня привозить не велѣлъ еще, такъ какъ онъ еще недавно померъ. Какъ недавно, начинаетъ доказывать Петръ, вовсе давно, когда еще пѣтухи пѣли.—теперь пора ужъ хоронить,—завтра будетъ не время, на базаръ надо идти,—послѣ-завтра день тяжелый для покойника (Среда, Пятница); „Пойдемъ, батюшка, пускай его скорѣй на тотъ свѣтъ“... Нечего дѣлать, разъ привезли, значить, надо идти отпѣвать....

Въ церкви пастырь при всѣхъ похоронщикахъ произноситъ слово назиданія, ученія и вразумленія о законной запрещенности спѣшить похоронами, о должномъ уваженіи къ усопшему, какъ къ человѣку, а не скоту, который (скотъ) зарывается безъ разбора времени;—дѣлается подробное разъясненіе о христіанскихъ обрядахъ при смерти и похоронахъ усопшихъ, о церковномъ поминовеніи ихъ и т. д. Въ отвѣтное соглашеніе со стороны слушателей на сказанное назиданіе слышится опять: сяпла, сяпла—„такъ, такъ“, а на дѣлѣ опять выходитъ не такъ...

Примѣрно чрезъ недѣлю, изъ той-же деревни, чуть ли не изъ числа слушателей сказанной проповѣди, является Николай, тоже съ заявленіемъ о покойникѣ,—назначается день похоронъ....

Но вотъ удивленіе: проходитъ день, два, а Николай съ покойникомъ не является;—вопросъ, чтобы это значило?!

Но вотъ наконецъ-то (уже чрезъ недѣлю), Николай является съ сказаннымъ покойникомъ — младенцемъ... Спрашиваешь о причинѣ долгой неявки, — Николай молчитъ, мнется и, наконецъ, признается, что, когда онъ заявлялъ о покойникѣ, младенецъ былъ еще живъ. И вотъ, когда, по расчетамъ, онъ скоро долженъ былъ умереть, къ несчастью и сраму Николая, онъ протянулъ пѣлую недѣлю.... Такой

обманъ, допущенный Николаемъ по отношенію къ священнику, конечно понятенъ: чтобы показать себя аккуратнымъ исполнителемъ законнаго требованія о времени погребенія Николай вздумалъ выполнить то обходомъ, дѣлая заранѣе заявленіе о смерти еще не умершаго человѣка.

Вотъ до какихъ курьезовъ доходятъ прихожане, чтобы какъ-нибудь обойти положенное законное требованіе и добиться своего незаконнаго, чрезъ соблюденіе и выполненіе внѣшней формалистики. Чего еще тутъ долго медлить съ покойникомъ, вѣдь онъ все равно уже не воскреснетъ, философствуютъ чуваша, — хорони скорѣй, да — и за поминки принимайся.... И дѣйствительно, поминки справляются по всѣмъ правиламъ чувашскихъ поминальныхъ обрядовъ и обычаевъ, съ обильнымъ, конечно, возліаніемъ, на которое, какъ и на свадьбу, средствъ и времени не жалѣется: продаются пожитки послѣ умершаго, скотъ, земля и т. д., что и идетъ на поминальный кутежъ, опять, замѣчу, безъ пощады, если къ тому подойдетъ время, праздниковъ съ ихъ канунами.

Я далекъ отъ мысли приведенные примѣры — ставить въ большую вину прихожанамъ — чувашамъ; — моя цѣль — показать истинное положеніе вещей....

Если въ русскихъ приходахъ не безъ грѣха и недостатковъ по вопросамъ приходской жизни и пастырской практики, то тѣмъ болѣе не удивительно и естественно то въ инородческихъ приходахъ, хотя бы и при настоящей сравнительной ихъ просвѣщенности.

Не слѣдуетъ пастырямъ чувашскихъ приходовъ поверхностно смотрѣть на внѣшнюю и внутреннюю жизнь своихъ прихожанъ, успокоивая себя мыслью, что теперь чуваша не то, что бывало, они-де теперь уже мало нуждаются въ просвѣщенномъ содѣйствіи пастыря.... Думать такъ пастырю — это впадать въ обманъ самообольщенія...

Съ не меньшею силою, какъ и прежде, нужно держать пастырю посохъ приходскаго управленія, не отставляя его въ сторону, какъ вещь уже мало нужную“....

Угасающая, совсѣмъ еще не угасшая, нерѣдко, при дуновеніи житейскаго вѣтра, воспламеняющаяся головня — „чувашскія ѣмзи“, и вновь разгорающійся костеръ — „приходскіе доки“, — эти эксплуататоры прихожанъ и враги пастыря, — обязываютъ послѣдняго на особенную, усиленную

дѣятельность, настойчивость и борьбу со многими „имже нѣсть числа“ нравственными, частью уже отживающими свой вѣкъ, частью вновь нарождающимися, недугами вообще и съ приходскими врагами въ частности.

Не новость и не секретъ, что за послѣднее время и въ среду инородцевъ начинаютъ проникать современныя, по свѣтскимъ и духовнымъ вопросамъ недобрыя вѣянія, разносимыя преимущественно приходскими „холоками—доками“, кои, схвативъ вершки, не познавъ корешки, вносятъ, если можно такъ выразиться, заразу духовныхъ недуговъ и болѣзней.

Недобрые остатки старины и опасныя начатки новизны, понятно, требуютъ пастырской коллективной, солидарной борьбы. Одинъ въ полѣ—не воинъ!..

Эта коллективность прямое и вѣрное средство, обусловливающее пользу и успѣхъ пастырскаго — „настой, обличи, запрети“.

Да оно и понятно! Два, три Василия, Ивана, Петра, словомъ, прихожанина разныхъ приходоѡ, гдѣ-либо сойдясь, будь то въ кузницѣ, на мельницѣ, на работѣ и т. д., въ своихъ на разныя темы разговорахъ не преминуть коснуться предметовъ, вопросовъ, теченія церковно-приходской жизни. Видя, что въ одномъ приходѣ дѣлается такъ, въ другомъ— иначе, въ третьемъ по другому,—въ одномъ— поступается слабо, въ другомъ—строже и т. п. „малые сіи“ начинаютъ „блзниться“. Заградывается недоѡвѣріе, возникаютъ недо-разумѣнія, пастырская настойчивость начинаетъ истолковываться въ смыслѣ необязательно нужнаго, какъ придирчивость пастыря;—послѣдствія сего: сѣтованіе, ропотъ, разногласія и, наконецъ, жалобы и кляузы. Всѣ это, конечно, вносить въ жизнь „словеснаго стада“ неурядицу и расстройство, выгодныя „словеснымъ волкамъ“, но вредныя и пагубныя для паствы, и печальныя и прискорбныя для пастырей и хозяевъ ихъ. Чтобы не быть пастыремъ наемникомъ, при видѣ волка грядущаго не быть бѣгающимъ, нужно заручиться любовью, мужествомъ, терпѣніемъ, и, имѣя въ рукахъ пастырскій посохъ, твердо стоять на стражѣ своей.

Если отъ пастыря безсловесныхъ овецъ требуется особый опытъ въ дѣлѣ его, то во всякомъ случаѣ сугубо то необходимо для пастырей Словесныхъ овецъ.

А потому добрая и благодарная была-бы услуга со стороны умудренныхъ опытомъ пастырской практики пастырей приходовъ вообще и инородческихъ—въ частности, если-бы оныя опытные пастыри дѣлились, въ помощь юнцамъ—пастырямъ, сказаннымъ опытомъ на страницахъ мѣстнаго печатнаго органа, во имя добраго успѣха въ искорененіи и уничтоженіи различныхъ приходскихъ недуговъ, нестроеній, недочетовъ и т. д.

Особенно желательны были-бы компетентныя сообщенія по вышеозначенному пастырей-инородцевъ,—этихъ преимущественныхъ и по школѣ и по природѣ миссіонеровъ,—коимъ, какъ нельзя лучше, извѣстны недуги и болѣзни ихъ собратій, составляющихъ большинство приходовъ нашей епархіи.

Священникъ *Викторъ Бузановскій*.

Быть и вѣрованія татаръ Синбирской губерніи, въ 1783 году.

(Изъ записокъ уѣзнаго землемѣра Мильковича).

Въ концѣ XVIII столѣтія началось оживленное изученіе инородцевъ Поволожья. Главною двигательницею этого дѣла была Императрица Екатерина II. Отъ нея исходятъ распоряженія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ о разработкѣ вопросовъ о русскихъ инородцахъ. Помѣщаемый нами очеркъ уѣзнаго землемѣра Мильковича есть одинъ изъ откликовъ на желаніе Императрицы. Былъ-ли очеркъ доставленъ по назначенію, не знаемъ. Извѣстно лишь то, что взявъ на себя трудъ по собранію этнографическаго матеріала, Мильковичъ постарался довести его до конца.

Вопросы, которые ставитъ Мильковичъ, не утратили и современнаго интереса. Доселѣ еще литература о татарахъ не можетъ похвалиться научностью и полнотой.

Поэтому вопросами Мильковича не излишне заняться и современнымъ обывателямъ среди татаръ и, по возможности, внести свою лепту въ литературу о татарахъ. Если бы кто захотѣлъ расширить для себя кругъ вопросовъ этнографическаго свойства, могъ бы найти руководство себѣ въ слѣдующихъ печатныхъ программахъ: 1) «Программа этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи». Составлена княземъ

В. Н. Тенишевымъ. Смоленскъ, 1898 г. 229 стр. 2) Опыт систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристианскихъ вѣрованіяхъ якутовъ». Составилъ В. Ф. Трошанскій Казань, 1897 г. 63 стр.

Татары, живущіе въ намѣстничествѣ Синбирскомъ, ничто иное, какъ останки поселившихся около 1230 или 1222 года и Болгарами овладѣвшихъ татаръ¹⁾ и съ того времени, какъ царство Казанское Россійскою силою побѣждено, остались на сихъ мѣстахъ. Но княжескія ихъ фамиліи давно перевелись, удержавъ только одно имя, по которымъ часто живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ жителей по простонародству вязыми именуютъ, еще и по нынѣ, какъ то: Князя Ишеева, Князя Авлычева и проч., — почему и земли, принадлежащія нѣкоторымъ деревнямъ, по имени ихъ называются. Видъ и нравъ Синбирскихъ Татаръ не только съ другими сходенъ, но и изъ всѣхъ ихъ рѣдко кто бываетъ ростомъ очень великъ. Они худощавы, лицомъ продолговаты и кажутся здоровы; носъ у нихъ сухощавый; ротъ и глаза малые, но острые и по большей части черные, волосы русый и начинается уже въ среднихъ лѣтахъ сѣдѣть; сложеніе ихъ вообще не дурное, походка бодрая, а прямое и худощавое тѣло въ соединеніи съ вроткимъ и какъ будто нѣсколько робкимъ взглядомъ придаетъ имъ милый видъ. Они до безконечности любопытны, хитры, льстивы, надменны, горды, пронырливы и другія націи презирающіе. Склонны болѣе къ роскошамъ и любовнымъ прохладамъ; ибо не только въ жизни, но и въ вѣчности за добродѣтели блаженство они забытъ себя воображаютъ не иное какое, какъ только то, что они и по смерти утопать будутъ въ прево сходной степени любовныхъ сладострастій. И тотъ изъ нихъ почитается весьма богатымъ и за свои набожныя дѣла отъ Магомета отмѣнно почтеннымъ, который въ глубокой старости имѣеть у себя женъ до 4-хъ, до 5-ти и до 7-ми. Весьма часто случается, что вступаютъ въ бракъ съ молодыми дѣвками, коимъ бываетъ отъ роду не болѣе 13 и 14 лѣтъ; старики лѣтъ 70 и старѣе, имѣющіе у себя довольно женъ, дѣтей и женатыхъ внучатъ. Они извиняютъ свою старость

¹⁾ Исторія Россіи Татищева, 2-й части 403 страница.

обыкновенною пословицею: что хотя самъ онъ и старъ, но душа его молода, — приводя въ доказательство, что Самъ Богъ создалъ Адама изъ земли, а Еву изъ Адамовой кости (плоти). Земля, говорятъ они, поверженная на свободный воздухъ, никогда положенія своего не перемѣняетъ, но часть мяса, на томъ же воздухѣ лежащая, отъ дождей и отъ теплоты солнечной въ скорости портится; — слѣдовательно де и женщина отъ беременностей и прочихъ болѣзней скорѣе въ слабость придти можетъ, нежели престарѣлый мужчина.

Татары за великое безчестіе и обиду себѣ поставляютъ, если кто изъ нихъ кого назоветъ Черемисианомъ, ибо они себя почитаютъ не только лучше оныхъ, но и превосходнѣе другихъ народовъ. Они столь любопытны, что не только не пропускаютъ ни единого проѣзжающаго, дабы объ немъ не вывѣдать, кто онъ таковъ и для какого дѣла ѣдетъ, но и въ самое рабочее время, собравшись къ своей мечети или на улицу, цѣлую часть дня удѣляютъ на разговоры и слушаніе разныхъ не важныхъ и никакого любопытства не стоящихъ новостей. Это самое, а наиболѣе неумѣренный платежъ за взятіе жень и содержаніе ихъ, (кои по большей части также въ покойной жизни и нѣжности болѣе склонны, нежели къ обработыванію полей и прочимъ трудамъ, какъ и ихъ мужья), дѣлаютъ многихъ должными.

Татары очень мало склонны къ хлѣбопашеству и прочимъ земледѣльческимъ трудамъ и рукодѣліямъ, а по большей части упражняются они въ отправленіи разныхъ позволенныхъ земледѣльцамъ торговъ, подрядовъ, и въ скотоводствѣ. Да и то болѣе производятъ они работниками, ибо изъ Татаръ и мало-имушій человекъ, занявъ самъ деньги, сыскиваетъ за весьма низкую цѣну, (при случившейся кому изъ другихъ, въ сосѣдственныхъ деревняхъ жнвущихъ, народовъ нуждѣ) нанять себѣ работниковъ.

Страннопріимство почитается у нихъ за первое набожное дѣло и они не только своего одновѣрца, но и изъ другихъ народовъ проѣзжающаго человека не иначе на своемъ языкѣ называютъ, какъ Кунакъ, что значитъ гость; однако страннопріимство ихъ болѣе состоитъ въ словахъ, нежели въ дѣйствительномъ угощеніи, и если они иногда своихъ проѣзжающихъ и угостить стараются, то такихъ только, о коихъ они по любопытному своему развѣдыванію узнаютъ,

что имъ въ нихъ есть или неминуемо будетъ надобность. Не рѣдко случается, что они и благодѣтелямъ своимъ, оказавшимъ имъ большія милости, въ коихъ они впередъ надобности не чають, безстыдно въ угощенія отказываютъ.

Татары, почитая пьянство за грѣхъ, у себя весьма рѣдко гостей имѣють, а тѣмъ не менѣе напитки приготовляютъ. Узнавъ въ сосѣдственныхъ деревняхъ, а особенно у Чувашъ или Черемисъ какое празднество, къ нимъ безъ всякого званія въ гости посѣщаютъ. Приѣхавъ татаринъ къ Чувашенину въ домъ и не малымъ количествомъ ласковыхъ словъ хозяина и гостей осыпая, не дожидаясь дальняго привѣтствія и подчиванья, по простотѣ сего народа и добродушію, первое мѣсто у нихъ занимаетъ,—и съ такою жадностью пьютъ, что въ короткое время сдѣлаются весьма пьяными.

Татары въ домахъ своихъ противъ Мордвы и Чувашъ и Черемисъ отмѣнную чистоту и опрятность имѣють, и случается, что въ одинъ день для приѣзжающихъ хозяинъ и хозяйка дома лучшее платье разъ до 8 и до 10-ти сверхъ обыкновенной своей одежды надѣваютъ и опять скидаютъ. Но изъ нихъ живущіе въ уѣздахъ и въ ближнихъ отъ городовъ жительствовахъ посредственнаго состоянія люди,—какъ мужчины, имѣя на себѣ кафтанъ хорошаго сукна, а женщина шелковое платье,—за стыдъ не почитаютъ въ лаптяхъ ходить не только дома, но и выѣзжать во всенародныя собранія.

Пища у нихъ лучшая изъ всего скота почитается лошадиное мясо, и они по большей части колятъ лошадей престарѣлыхъ и къ работѣ не способныхъ, а многіе покупаютъ у Россіянъ такихъ лошадей, у коихъ отъ дурныхъ припадковъ почти не бываетъ на кожѣ и шерсти. Отъ каковой ихъ пищи, а особливо во время варенія, въ домахъ бываетъ весьма тяжелый и новоприѣзжему человѣку несносный запахъ.

Синбирскаго намѣстничества въ деревняхъ бываетъ отъ 10 дворовъ до 100 и всякая почти деревня знаетъ свое происхожденіе, а иногда имѣють оныя и на письмѣ.

Въ прежнія времена имѣли они подвижныя станы стадопасовъ, подобные Болгарскимъ, но какъ со временемъ, при умноженіи народа, предѣлы ихъ стѣснились, то мало-по-малу принялись за земледѣшество. Женщины ихъ болѣе здороваго,

нежели пригожаго сложенія и привыкають смала къ скромности, уединенію и повиновенію; упражняются въ пряжѣ и тканьѣ льна, пеньки и шерсти собственнаго своего приобрѣтенія.

Синбирскаго намѣстничества Татары несутъ одинаковую съ прочими природными россійскими народностями тягость, состоящую въ небольшомъ подушномъ окладѣ, въ даваніи небольшого числа рекрутъ и въ исправленіи адмиралтейскихъ работъ.

Дворы деревенскихъ татаръ одинаковы не только въ другомъ чѣмъ, но и въ самой величинѣ. Они всѣ деревянные; во всякой избѣ есть очагъ и полати, которыя шириною занимаютъ третью часть, а иногда и половину избы. У зажиточныхъ людей въ избахъ порядочныя немалыя окна, составленныя изъ стеколь или слюды, а у бѣдныхъ обтянуты прорубленныя для свѣта отверстія окунутыми въ постное масло тряпицами или бумагами. Жилища бѣдныхъ людей состоятъ изъ одной только избы, которой дверь вышла на улицу. Изба эта по причинѣ плоской крыши кровли представляетъ четвероугольникъ. А какъ изба сія служитъ имъ вмѣстѣ и страпущею, то обыкновенно бываетъ въ ней закладенный кирпичами котель. Мужичій дворъ состоитъ, кромѣ избы, изъ нѣсколькихъ малыхъ, особо построенныхъ, чулановъ и хлѣбовъ, которые однако двора кругомъ не загораживаютъ. Россіане называютъ такия постройки, (татарскія хижины) юртами; слово же сіе есть татарское и значитъ просто „жилъе“.

Татарскій домашній скарбъ составляютъ по большей части необходимыя только надобности: небольшое число поваренной, столовой и чайной посуды, также земледѣльческой и ремесленной снасти, нѣсколько сундуковъ, насланные на полатахъ ковры, войлока или цѣновки, а иногда тюфяки, въ чѣмъ самомъ заключается весь ихъ домашній приборъ; а столы и стулья держатъ только нѣкоторые, обращающіеся съ иновѣрцами.

Татары всѣ вообще Магометанскаго закона. Брѣютъ голову; носятъ рубахи холстинныя, кожаные чулки и бахилы, а скудные люди—лапти, легкіе халаты, долгія восточныя длинныя широкія верхнія рубахи, у которыхъ рукава сгибаются и притомъ дѣлаются иногда съ прорѣхами; подпоясы-

ваются же они поясомъ, или сабельною препояской; голову прикрываютъ скуфейкою, на которую надѣваютъ плоскую шапку съ круглымъ, на подобіе начиненной кишки, околышемъ; къ поясу привѣшиваютъ ножъ или саблю; нижнее одѣяніе шьютъ: скудные изъ холста или китайки, а богатые—изъ шелковыхъ или другихъ матерій, а верхнее изъ толстаго и тонкаго сукна просто и съ оторочкою, а иногда и золотомъ вышиваютъ, у иныхъ подь серебряннымъ осладомъ.

У всѣхъ народовъ, которые покупаютъ себѣ женъ, ходятъ бабы наряднѣе нежели дѣвки, потому что бабій нарядъ приносить мужьямъ честь и славу, а дѣвичій при продажѣ въ замужество идетъ ни за что. Весь бабій нарядъ подобенъ мужскому въ разсужденіи рубахъ, чулокъ, туфель, также нижняго и верхняго платья нарочито; сапоги носятъ они остроносые; покрой платья отъ мужскаго нѣсколько отмѣненъ. Богатая татарка носитъ нижнее платье съ сборами и вышиваетъ оное на груди, гдѣ оно и застегивается; верхнее шьется изъ шелковыхъ, а иногда и изъ простыхъ матерій, или изъ тонкихъ суконъ съ бахромками, шурками и золотыми петлицами, просто и съ оторочкою, поясъ же носятъ шелковый или серебряннымъ наборомъ украшенный; грудь покрываютъ косынкой, снисанной изъ коралловъ или усланной чешуйчато монетами; по большей части носятъ они съ плеча насквозь пущенную перевязь, усыпанную корольками или золотыми, а иногда одними только серебрянными монетами; шею украшаютъ бисерныя нитки, а уши и пальцы расщеплены кольцами; простыя женщины носятъ одѣяніе китайчатое и изъ сукна собственнаго своего рукодѣлія; голову покрываютъ шапками, унизанными корольками или фатами, которыя носятъ на спинѣ распростерты и употребляются богатыми женщинами; а повседневно въ лѣтнюю пору ходятъ они, какъ черемисы и прочіе, въ бѣлыхъ и крашенныхъ, по большей части узорчато вышитыхъ и крѣпко подпоясанныхъ, рубахахъ.

Алворапъ запрещаетъ имъ употреблять крѣпкіе напитки, какъ то: виноградное и хлѣбное вино и пиво; но такъ какъ татары и почти всѣ народы любятъ подпивать, то нѣкоторые преступаютъ и самый сей законъ; прочіе же всѣ пьютъ медъ, не почитая сего за грѣхъ. Простой медъ раз-

водятъ они на опарѣ, составленный изъ крупы, муки и меду сырцу, которую кладутъ они въ теплую сыту, прибавляя кромѣ опары восемь разъ больше воды; когда медъ такимъ образомъ устоится, то они, сцѣдя оный, наливаютъ вновь на гущу простую только сыту; такъ онъ никогда у нихъ не переводится.

Синбирскіе и вообще магометанскіе татары обходятся какъ между собою, такъ и съ чужими людьми, весьма вѣжливо. Когда они здороваются, то подаютъ взаимно обѣ руки и притомъ, протянувъ одну на другую говорятъ: „да будетъ съ тобою миръ“ (саламъ маликамъ). Въ отвѣтъ на это привѣтствіе говорятъ тѣ же самыя слова. Изъ учтивости никогда они головъ не обнажаютъ.

Счисленіе времени Магометанъ, слѣдовательно и Синбирскихъ татаръ, обще съ другими, начинается съ Магометова побѣга, который называется у татаръ гегирою и егирою, а по нашему лѣтосчисленію съ 586 года; почему нашъ 1783 есть ихъ 1197 годъ. Новый ихъ годъ начинается съ равенства, съ Марта мѣсяца. Весь ихъ мѣсяцесловъ основанъ на счисленіи и именованіи лунныхъ теченій и по нимъ все у нихъ располагается и опредѣляется. По причинѣ обращенія съ сосѣдями имѣютъ они и для нашихъ мѣсяцевъ особыя названія, какъ на примѣръ: Мартъ называютъ они Гаметомъ, Апрель—Саваранъ, и такъ далѣе; недѣля ихъ начинается съ Пятницы.

Алкоранъ приучаетъ ихъ наблюдать чистоту, которая, кажется, и непомѣрна. Они должны ежедневно нѣсколько разъ мыться.

Обыкновенно ѣдятъ они въ день по 4 раза; при томъ ѣдятъ на полатахъ около яствъ, на дыпкахъ; какъ предъ ѣдою, такъ и послѣ оной, моются и молятся.

У зажиточныхъ людей живетъ и ѣсть женскій полъ особливо; когда идутъ женщины ихъ по улицѣ, то липа занавѣшиваютъ, да и дома не кажутся, развѣ мужъ прикажетъ то сдѣлать въ отмѣнную честь своему гостю; бѣдные люди и челядинцы ходятъ вездѣ по просту.

Дожившихъ до старости людей честно, весьма они уважаютъ и почитаютъ; и поелику борода у стариковъ сдѣлается, то знающихъ и разумныхъ стариковъ величаютъ бѣлобородыми (аксабанъ) и приглашаютъ ихъ охотно въ совѣ-

ты и заключаютъ черезъ нихъ свадебные и другіе договоры; они заступаютъ мѣста священнослужителей, садятся всегда выше прочихъ и рѣшаютъ важныя распри и т. д.

Когда отрокъ достигнетъ совершеннаго возраста, тогда отецъ онаго посылаетъ сосѣдей сватать за него невѣсту въ ту деревню, гдѣ жительство имѣетъ ея отецъ; ибо татары по большей части невѣсты берутъ изъ другихъ деревень, верстъ за десять и за сто, и сватанье у нихъ бываетъ болѣе весною и лѣтомъ. Посланный свать, переговоривъ о томъ съ невѣстинымъ отцомъ, истребовавъ отъ него согласіе и извѣстясъ, сколько онъ желаетъ на приготовленіе невѣсты приданого получить денегъ, а также въ почестъ себѣ скота и меду, что называется на ихъ языкѣ *калымъ* — увѣдомляетъ женихова отца. Будучи они оба согласны, готовятъ къ брачной церемоніи; готовясь же и увѣдомивъ другъ друга, женихъ съ отцемъ съ поѣздомъ пріѣзжаютъ въ деревню къ невѣстину отцу. Въ тогдaшнее время невѣсту, одѣтую въ лучшее платье и покрытую покрываломъ, отводятъ въ отдѣльный на нѣкоторое разстояніе отъ дома холодный покой, нижеслѣдующею церемоніею: четыре женщины, держа вверху надъ нею высоко съ четырехъ сторонъ другое большое покрывало, идутъ, и изъ нихъ первыя двѣ впереди, а послѣднія позади невѣсты. Она, въ препровожденіи молодыхъ дѣвицъ идя въ срединѣ ихъ подъ покрываломъ, поетъ тихо приличествующую на тогдaшнее время пѣсню и плачетъ; молодыя дѣвицы своими голосами въ пѣніе ей нѣсколько помогаютъ. Сіе пѣніе происходитъ весьма тихо и съ нѣкоторою пріятностію голоса.

По провозденіи невѣсты въ сказанный покой входитъ мулла съ двумя изъ мужчинъ свидѣтелями и двѣ родственницы и, поговоривъ невѣстѣ, что отецъ ее отдаетъ за тако-го-то жениха замужъ за столько-то калыма, выходятъ и, стоя у стѣны того покоя съ жениховымъ отцемъ и съ прочими родственниками, слушаютъ; а двѣ сродницы, оставшись, желаетъ ли она вступить въ бракъ съ назначеннымъ ей отъ отца женихомъ, невѣсту спрашиваютъ. И когда невѣста отвѣчаетъ, что она имѣетъ желаніе, тогда начинается свадьба и отецъ жениховъ невѣстину отцу даетъ въ задатокъ калыма нѣсколько денегъ. А между тѣмъ къ невѣстѣ входятъ въ покой дѣвицы и полегоньку молодые мужчины,

изъ коихъ знающіе грамотѣ поютъ нѣкоторые стихи; потомъ тѣ сродники вводятъ уже невѣсту въ домъ ея отца и тутъ мулла по ихъ закону съ женихомъ сочетается, предъ которымъ (муллою) они, въ присутствіи ихъ отцевъ, сродниковъ и всѣхъ находящихся въ церемоніи, въ вѣрности другъ другу дѣлаютъ присягу; по окончаніи же сего сочетанія бываетъ брачное торжество, при чемъ играетъ музыка. Татарскую музыку составляютъ скрипки, гудки и деревянные гусли; но дѣвицы и женщины при ономъ не бываютъ.

Новобрачный молодую свою жену отъ тестя не прежде взять долженъ, какъ по заплатѣ всего калыма, въ разсужденіи чего молодая его жена, по выходѣ за него замужъ, живетъ у своего отца до заплаченія имъ калыма не малое время, а по малоимуществу женившася года два и болѣе, къ которой мужъ ѣздитъ въ гости каждый мѣсяць, а иной— и черезъ недѣлю. Тесть и теща принимаютъ и подчуютъ своего зятя такъ, какъ пріѣзжающаго гостя. По заплатѣ всего калыма бываетъ пиръ, какъ у тестя, такъ и во всей деревнѣ той, въ продолженіи котораго играетъ музыка и дѣвицы одна съ другою, или мужчина съ женщиною, парно пляшутъ; потомъ уже съ молодой посаженнаго ея отца жена снявъ дѣвичій уборъ, одѣваетъ въ женскій. Тогда молодые, сѣвши съ дѣвицами въ приготовленную коляску и съ стоящими назадъ двумя молодыми мужчинами, которые имѣя у себя въ рукахъ книжки, поютъ стихи, отъѣзжаютъ въ домъ посаженнаго отца и тамъ молодой съ молодою, дружка и однѣ только женщины и дѣвицы обѣдаютъ. На послѣдокъ мужъ жену со всѣмъ приданымъ и съ прижитыми съ нею, если такъ случится, дѣтьми отвозитъ въ свою деревню и всѣмъ своимъ родственникамъ даетъ обѣдъ.

Свадебное ихъ увеселеніе состоитъ въ пиршествѣ, музыкѣ и пляскѣ и продолжается иногда нѣсколько дней.

Къ числу музыкальныхъ инструментовъ принадлежитъ и татарскій собственно называемый гудокъ, который походитъ на покрытую вверху и подобную кораблю скрипку о двухъ волосяныхъ струнахъ, кои перебираютъ пальцами и шаркаютъ по нимъ смычкомъ; но онъ рѣдко употребляется и голосъ отъ него еще хуже, нежели отъ балалайки и употребляемыхъ татарами гуслей объ 18 кишечныхъ струнахъ.

Пѣсни синбирскихъ и подобныхъ имъ Татаръ по большей части безъ рифмъ, но весьма высокомысленны и преисполнены страстными выраженіями. Тутъ называются любовники, вздыхающими журавлями, нѣжными голубями, сулящими глазъ и брови (т. е. ненаглядными) и т. д. Голосъ пѣсень ихъ на военную статью. Обыкновенно, какъ мужчины такъ и женщины пляшутъ особо: мужчины пляшутъ проворно, а дѣвки ходятъ кругомъ, какъ будто украдкою, и держатъ распростертыя руки предъ лицомъ.

Неплодородіе женамъ вмѣняется въ безславіе, а особливо когда у мужа есть нѣсколько женъ; ибо плодородныя поступаютъ тогда съ бесплодными весьма презрительно. Послѣ родовъ почитается жена нечистою до самаго восстановленія порядка ея здоровья и тогда очищается она омовеніемъ; а въ седьмой день, отъ муллы, рожденному младенцу дается имя, при чемъ въ жертву Вышнему закалается овца или корова, приготавливаютъ напитки и бываетъ пиръ. Имена заимствуютъ они по большей части отъ названія (дней) турецкаго мѣсяца; слѣдовательно мужскихъ и женскихъ имянъ было бы только вообще 30, если бы отцы не давали дѣтямъ своихъ и другихъ имянъ, заимствуемыхъ отъ родственниковъ.

Когда младенцу исполняется отъ роду 12 мѣсяцевъ, тогда призывается особый мастеръ, называемый по-татарски *Абдалля* или *Бабося* и въ присутствіи муллы и родственниковъ младенца обрѣзываетъ. Послѣ чего бываетъ обѣдъ, но напитковъ никакихъ они тогда не употребляютъ.

Татары имѣютъ вѣру Магометанскую, которую составляетъ извѣстная книга, называемая *Алкоранъ*. Но и сверхъ оной довольно у нихъ находится суевѣрій, какъ то: гоненіе въ первыхъ числахъ Апрѣля изъ жительствъ нечистыхъ духовъ и отпущеніе на волю изловленныхъ дикихъ птицъ; очищеніе въ лѣсныхъ дорогахъ упавшихъ отъ вѣтра на землю сучьевъ; мазаніе имѣющихъ подъ кровлю ихъ домовъ гнѣзда птицъ масломъ; мазаніе у престарѣлыхъ людей ослабѣвшихъ или и совсѣмъ пришедшихъ въ безсиліе членовъ, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, воробынымъ мозгомъ, — и прочія, не стоящіе вниманія, мелкости почитаются у нихъ богоугоднымъ дѣломъ.

У татаръ въ годѣ бываетъ три поста, называемые: 1, *Курбанъ-Байрамъ*, 2, *Ураза-Байрамъ*, 3, *Мавлютъ-Байрамъ* и малый *Мура-Байрамъ* и по три дня въ началѣ каждаго мѣсяца. Татары постятся только въ продолженіе дня; но по захожденіи солнца съ вечера въ ночное время, вставая разь до 4-хъ и 5-ти, съ жадностію ѣдятъ молоко, лошадиное мясо и другія приготовленныя пищи. Постъ Курбанъ-Байрамъ посвященъ у нихъ въ честь Авраамомъ въ жертву приносимаго сына Исаака; они постятся девять дней, а въ десятый закаляютъ овцу и празднуютъ, а снятыя съ заръзаннаго скота кожи отдають муллѣ.—Ураза-Байрамъ постановленъ въ удовлетвореніе Вышнему за грѣхи. Они тогда постятся 29 дней, а въ 30-й день разговляются и посятъ въ свой мизгитъ разныя хлѣбныя и изъ говядины приготовленія, гдѣ и ѣдятъ. Мевлютъ же безремъ постъ девяти-дневный предъ празднованіемъ новомѣсячія; послѣ чего въ десятый день, то есть въ началѣ ихъ года, отправляется у нихъ торжество. А прочіе малые посты для удовлетворенія Вышнему за грѣхи. Сверхъ сего бываетъ у нихъ праздникъ весною предъ начатіемъ пашни, называемый *сабанъ*. Въ сей праздникъ ставятъ предъ собой *мизгитъ*, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, столы и на нихъ изъ разныхъ крупъ молочныя приготовленія. Около 2-го часа пополудни, сѣвши за тѣ столы и держа каждый предъ глазами своими руки съ разогнутыми пальцами, на подобіе книги, поютъ молитвы и послѣ ѣдятъ, удѣляя изъ сей пищи женщинамъ и дѣвкамъ, кои, сѣвши на травѣ, ѣдятъ же. А потомъ дѣвцы и молодыя женщины на пространномъ мѣстѣ около мизгити по ихъ обыкновенію играютъ въ разныя игры, а мужчины ѣздить верхами по деревнѣ и, прѣѣзжая къ каждому двору, бьютъ длинными палками по чрышамъ дома, спрашивая, не скрылся ли въ оный какой нечистый духъ; за что, по требованію ихъ, дабы ими изъ деревни былъ онъ выгнанъ, дають яйца и пироги. Обѣхавъ же всю деревню, скачуть во весь опоръ въ поле и кричатъ изо всей силы такъ, какъ бы они кого выгоняють, и спустя нѣсколько времени изъ поля возвращаются, сказывая, что они прогнали чорта.—Также бывають у нихъ съ половины Мая мѣсяца до окончанія Іюня увеселительныя собранія, называемыя *узійны*; тогда выѣзжаютъ они на степь и тамъ молодые люди про-

взгаются на иноходцахъ и рыскахъ, а нѣкоторые изъ знающихъ грамотѣ поютъ стихи; а также вывѣзаютъ на степь женщины и дѣвки.

Во время то, когда больной приближается къ смерти, мулла читаетъ ему изъ Алкорона статьи и дѣлаетъ разныя поученія; когда же умереть, то, омывъ тѣло, надѣваютъ съ плечъ до ногъ нѣкоторое шитое изъ холста одѣяніе и пеленаютъ въ холстъ, или въ бумажную матерію такъ, что одно только лицо видно, потомъ спрыскиваютъ водою, въ которой растворена камфора. Мулла пристегиваетъ на грудь покойному ярлыкъ, съ слѣдующею арабскою надписью: „Есть одинъ только Богъ, да Магометъ Его пророкъ.“

Кладбище ихъ бываетъ не въ деревнѣ и безъ всякой ограды; умершее тѣло, которое провожаютъ одни только мужчины и несутъ къ могилѣ во гробѣ, въ могилу опускается безъ гроба. Могилы бываютъ глубиною до пяти футовъ и располагаются съ сѣверо-востока на юго-западъ продолговато и имѣютъ въ одной сторонѣ пещеру, въ которую укладываютъ покойника такъ, что земля, которую послѣ могилу закладываютъ, до него не касается; ибо они вѣрятъ, что скоро придутъ два ангела и поведутъ умершаго на судъ. Какъ скоро опустятъ покойника въ могилу, то мулла творитъ молитву и по окончаніи оной засыпаютъ могилу. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесутъ покойника, въ теченіе четырехъ недѣль послѣ кончины, отправляются два раза торжественія за упокой, потому что они думаютъ, что столько времени производится надъ нимъ судъ и расправа. Между прочимъ содержится въ молитвѣ и слѣдующія слова: „Боже! не оставь его во адѣ, *азанъ*, но пересели его скоро въ рай *усмямахъ*“.

Зажиточные люди отличаютъ могилы своихъ родственниковъ небольшими бревенчатыми избушками, или разставленными вокругъ каменьями, или столбами съ небольшими надписями. А иногда кладутъ въ той сторонѣ, въ которой положенъ покойникъ, надъ головою, и надгробный камень, съ высѣченною надписью, или съ однимъ только заручательнымъ знакомъ его, *туманъ*, который прикладывалъ онъ вмѣсто подписи своего имени. Времена, въ которыя сооружали они надгробныя зданія, давно уже прошли. Высѣченныя на надгробныхъ каменьяхъ надписи, содержатъ въ себѣ на Араб-

скомъ и Татарскомъ языкѣ имя и званіе покойника, также годъ его кончины и краткое увѣщаніе. Напримѣръ: сей камень положенъ Минькѣ Арысову въ 1712 году. Надпись: „*Всякій смертенъ, Богъ Одинъ безсмертенъ и пророкъ. Кто Богу поклоняется и живетъ непорочно, тому я кровный другъ*“.

Состояція въ деревнѣ молебныя ихъ храмины обширны и чисты, но безъ всякаго украшенія и въ нихъ сдѣлано только возвышенное мѣсто, съ котораго читаютъ и толкуютъ Алкоранъ. Подъ въ молебныхъ ихъ храминахъ устланъ коврами или войлоками, а передъ входомъ построены сѣни, гдѣ всякій складываетъ башмаки. У которыхъ (т. е. у молебныхъ храмахъ) вверху сдѣланы небольшія башни и съ сего мѣста скликаетъ пономарь на молитву. Духовенство ихъ состоитъ изъ верховныхъ священнослужителей, Ахунъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ Казани, а другой въ Тобольскѣ, а третій въ Астрахани; изъ священнослужителей простыхъ, мулла; изъ школьныхъ учителей, абызъ; изъ пономарей, муазинъ; священнослужители ихъ не берутъ никакого жалованья, но получаютъ по нѣскольку отъ міра подаванія за отправленіе своей должности, однако при всемъ томъ должны для своего пропитанія отправлять промыслы, торги и прочее.

Магометанцы вмѣняютъ себѣ за оскверненіе всякому кто къ мертвому прикоснется, также нечистыя яствы и всѣ естественныя испражненія и такъ далѣе; очищаются же они омовеніемъ и молитвою, а входъ въ царство небесное уготовляютъ себѣ кротостію и добрыми дѣлами. Омовеніе бываетъ у нихъ разное; однако больше очищаются они водою и въ случаѣ недостатка перетираютъ руки землею или пескомъ. Добрыя дѣла заключаются особливо въ подаваніи милостыни и въ постахъ. Во всякомъ году постятся они 205 дней, въ которые не столько разбираютъ пищу, сколько вообще отъ яденія и питія воздерживаются до захода солнца.

Вѣрованія, что судьбы наши неминуемы и что всякаго смертоносный ангелъ въ опредѣленное время изъ міра сего переселяетъ, укрѣпляетъ ихъ противу всякихъ несчастій и предохраняетъ отъ самоубійства. Всякій день бываютъ они по пяти разъ на молитвѣ, на которую скликаетъ ихъ пономарь съ башни, выпѣвая ихъ рѣченіе: „*Есть одинъ только Богъ, да Мугаметъ пророкъ Его*“. Отъ молитвы никто на-

рочно не отлыниваетъ, если же что нибудь въ томъ кому воспрепятствуетъ, то онъ молится по крайней мѣрѣ уединенно въ домѣ или въ полѣ, при восхожденіи и захожденіи солнца; скидываетъ съ себя башмаки и становится иногда на разостланное по землѣ свое одѣяніе. Когда кто молится усердно, обратя лице свое въ ту сторону, гдѣ Мекка, не изъ чего молитвы своей не прерветъ. Обыкновенныя моленія происходятъ при восхожденіи солнца, *утренне намазъ*, около полудня *уле намазъ*, послѣ полудня *икендянне намазъ*, ввечеру *аккимъ намазъ* и ночью *ясикъ намазъ*.

Моленіе приносится на Арабскомъ языкѣ по четкамъ съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ. Священнослужитель, сидя предъ мірянами на цыпкахъ, читаетъ молитвы убѣдительно и тихимъ голосомъ, которыя міряне отчасти за нимъ пересказываютъ, а отчасти подтверждаютъ словомъ аминь. Какъ скоро помянетъ священнослужитель имя Божіе: Алла, то съ стонаніемъ зажимаютъ они уши,—и поглаживаютъ, какъ недостойные слышать сіе имя и открывать глаза, обѣими руками по своимъ глазамъ и по бородѣ. Говоря молитву своимъ ангеламъ хранителямъ, оглядываются они на обѣ стороны. Впрочемъ, сидятъ они при томъ больше на цыпкахъ, а иногда встаютъ и кланяются низко, и долго въ семъ положеніи пребываютъ, да и сверхъ того преклоняютъ лицо свое нѣсколько кратно и къ самой землѣ.

Татарь въ намѣстничествѣ здѣшнемъ (губерніи здѣшней) по четвертой ревизіи 1782 года состояло въ написаніи новокрещенъ мужеска 1076, женска 984, некрещенныхъ мужеска 19067, женска 19809.

Итого мужеска 20143, женска 20793 души ¹⁾.

О выборномъ началѣ въ приходѣ.

(Изъ журнала Кіевского пастырскаго собранія 20 января 1905 года.)

Собраніемъ были заслушаны статьи, написанныя сельскими священниками епархіи П. Гдѣшинскимъ, В. Левитскимъ и П. Павловичемъ по вопросу о выборномъ началѣ въ приходѣ.

¹⁾ По ревизіи 1796 года въ Казан. губ. татаръ было: крещенныхъ м. п. 13384, ж. п. 13922, некрещенныхъ 89666 муж. 94368 жен. Ioh. Friedr. Erdmann. Medicinische Topographie des Gouvernements und der Stadt Kazan. Riga und Dorpat. 1822. s. 324. прим. Н. Н.

Свое обширное разсужденіе священникъ П. Гдѣшинскій заключаетъ полнымъ и рѣшительнымъ навсегда отрицаніемъ прежде всего возможности, а потомъ и желательности дарованія мірянамъ права избранія пресвитеровъ по слѣдующимъ основаніямъ.

Во 1-хъ) потому, что оно противорѣчитъ Богоначертанному домостроительству спасенія міра, и въ дальнѣйшемъ логическомъ развитіи оказывается несостоятельнымъ.

Во 2-хъ) потому, что оно не только не имѣетъ основаній въ ученіи христіанскомъ, но и прямо запрещено Спасителемъ.

Во 3-хъ) потому, что въ немъ нѣтъ никакой нужды, ни надобности, если не считать носящихся въ воздухѣ вѣяній времени, ничего общаго съ церковію Божіею не имѣющихъ.

Во 4-хъ) потому, что оно можетъ имѣть для церкви Божіей одни только пагубныя слѣдствія, выражающіяся въ нарушеніи Богоустановленной полноты епископской власти и происходящей отсюда неясности и спутанности отношеній между епископами и мірянами, въ пониженіи умственнаго и нравственнаго уровня клира и въ ненормальномъ положеніи зависимости и отвѣтственности пастыря предъ пасомыми, и, наконецъ, въ возобладаніи прихотей мірскихъ надъ здравымъ ученіемъ христіанскомъ.

Священникъ В. Левитскій развиваетъ въ своей статьѣ ту мысль, что народъ нашъ еще не дозрѣлъ до того, чтобы правильно и разумно могъ воспользоваться правомъ выбора для себя священно-церковно-служителей.

Докладная записка протоіерея П. Павловича представляетъ жизненную иллюстрацію неблаговременности введенія въ приходскую жизнь выборнаго начала. Вотъ эта записка.

„Въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ прочелъ я рефератъ о. протоіерея Колникова о благовременности и возможности участія прихожанъ въ избраніи священника, читанный имъ въ собраніи Кіевскихъ пастырей.

Мнѣ вопросъ сей кажется такъ великимъ и важнымъ для церкви и государства, что даже съ предположеніемъ только слѣдовало бы выступать не безъ трепета: послѣдствія вѣдь могутъ быть очень трудныя, а рефератъ выступаетъ съ утвержденіемъ рѣшительнымъ, точно у автора чрезмѣрно широкіе горизонты.

Слабость аргументаці реферата усматривается уже и въ томъ, что онъ приводитъ въ примѣръ крайне исключительную личность, о. Іоанна Кронштадтскаго,—исключеніе развѣ можетъ быть доказательствомъ?

Указаніе дѣлаетъ авторъ на то, что крестьянамъ дано уже право выбора; но дарованіе права еще не доказательство правоспособности. Молодая—любящая мать можетъ дать въ руку дитяти острый ножъ, который дитя просить у ней съ плачемъ, но это еще не доказываетъ, что дитя сумѣетъ имъ пользоваться и не можетъ распороть себѣ или другому дитяти груди или желудка. А мы, стоящіе всегда близко къ народу, не можемъ не видѣть, какъ много терпятъ онъ отъ своего права. Кто имѣетъ рѣшающій голосъ на сходахъ? Крикуны, большею частію люди недостойные и притомъ немало ихъ. Имъ дѣла нѣтъ до совѣсти и правды, а только бы перекричать. Они для этого еще напередъ сговариваются, а если еще явится къ нимъ кулакъ, угостить хорошо и впередъ угощеніе обѣщаетъ, тогда не жди разума и правды на сходѣ. Добрые люди возвышать свой голосъ не посмѣютъ.

Я родился и выросъ въ селѣ, и вотъ уже свыше 50 лѣтъ служу въ селѣ же въ санѣ священника и хорошо знакомъ съ примѣненіемъ выборнаго начала. Кромѣ того, долго пробылъ въ должности благочиннаго, по крайней мѣрѣ 150 разъ присутствовалъ при выборахъ церковныхъ старостъ, чуть не въ тридцати селахъ и благочиніяхъ видѣлъ борьбу страстей.

Надо имѣть нарочитый авторитетъ и великое самообладаніе, чтобы хоть какъ нибудь разобраться въ этомъ хаосѣ...

А какой критерій у крестьянъ для оцѣнки кандидата священника? Я зналъ,—давно уже это было, буду говорить о давнемъ покойникѣ,—одного священника. Великорусскій, сынъ бѣднаго пономаря, онъ пѣшкомъ припелся къ благостному владыкѣ Филарету и его любовію устроенъ на сиротскомъ приходѣ. Къ горю, молодая матушка умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинокій, среди чужихъ, молодой священникъ началъ искать утѣшенія въ винѣ, пристрастился къ нему и усердно угощался съ прихожанами. Какъ то прислали ему псаломщикомъ лишеннаго сана священника. Этотъ вздумалъ донести на настоятеля. Тутъ то, при дознаніи, убѣдился благочинный, что, еслибы въ приходѣ семъ былъ священникъ даже ангельскій съ небесъ, его бы не отстаивали съ такою лю-

бовію и горячностію, съ какой они защищали своего много-немоцнаго пастыря. И не пьяная была толпа, а почтенные, совершенно трезвые хозяева.

Пришлось мнѣ ѣхать чрезъ село гдѣ ловили рыбу, и я подѣхалъ купить. Меня встрѣтилъ почтеннаго возраста хозяинъ; признался, что онъ знаетъ меня, какъ бывшаго благочиннаго, и началъ высказывать свою скорбь о недавно удаленномъ отъ нихъ священникѣ. Изъ разныхъ намековъ и обходовъ я узналъ отъ него, что по его, а вѣроятно и другихъ, убѣжденію, священникъ остался бы у нихъ, еслибы поставилъ обществу хоть ведра три водки. А и удалень то онъ былъ, какъ мнѣ извѣстно, по ихъ же донесу.

И теперь, слышу, епархіальное начальство не безъ труда разбирается среди массы прошеній священниковъ, просящихъ перемѣщенія;—могло ли бы сно разобраться послѣ введенія выборнаго начала?

А пастырскій авторитетъ, такъ нужный для блага же паствы?

Случалось слышать возгласъ крестьянъ по адресу пастыря: „ты нашъ наймитъ, робы ты, що громада велытъ. „Это при отсутствіи права. А при правѣ чего ждатель? Зналъ случай, когда громада, недовольная молодымъ священникомъ, позвала его на судъ. Неопытный—вошелъ въ толпу и былъ оскорбленъ до слезъ. И это тоже при безправіи, а когда дано будетъ право?

Авторъ реферата, защищающаго выборное начало, утѣшается тѣмъ, что выбирать будутъ священниковъ изъ крестьянской среды. Утѣшеніе не изъ послѣднихъ. Не закрыть ли кстати и духовно-учебныя заведенія?

(Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1905 г. № 1).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Затѣйникъ Свящ. Г. С. Петрова.

Спб. 1904—1905 г.

Въ послѣднее время въ законченномъ видѣ явилось произведеніе подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ, имѣющее близкое отношеніе къ жизни, быту и служенію духовенства. Намъ извѣстно, что принимаются мѣры къ распространенію

этого произведенія среди духовенства и особенно среди духовнаго юношества. Не разъ намъ приходилось слышать и нарочитые запросы о смыслѣ и значеніи появившейся книжки. Что сказать о ней? „Затѣйникъ“ представляетъ одно изъ многочисленныхъ произведеній пастыря, пріобрѣтшаго извѣстность въ наше время, подобную той, какую еще недавно пользовался у насъ свѣтскій писатель Горкій.

Что болѣе всего прискорбно, такъ это то, что авторъ пишетъ не только безъ всякаго знанія, но и безъ любви и даже уваженія къ предмету, какой онъ изображаетъ. Весьма характерно названіе главнаго героя книги „Затѣйникомъ“. Характеризуя своего героя устами „немногихъ искреннихъ друзей“ его, авторъ пишетъ: „вотъ Затѣйникъ и затѣваетъ одно дѣло за другимъ, *придумываетъ все новыя и новыя затѣи*“... Итакъ, доселѣ мы знали, что пастырство есть святое, великое служеніе, имѣющее божественное происхожденіе, основывающееся на началахъ, положенныхъ Самимъ Пастырначальникомъ. А вотъ теперь о. Петровъ представляетъ намъ пастырство въ лицѣ своего героя, какъ *затѣйничество*, основывающееся на *придумываніи все новыхъ и новыхъ затѣи*. Что можетъ быть грубѣе и фальшивѣе таковаго пониманія пастырства?

Не менѣе характерно и то, что рѣчи „Затѣйника“ проникнуты глубокою ненавистію къ богословской наукѣ и духовной литературѣ. Богословскую науку онъ презрительно обзываетъ и „схоластическимъ книжествомъ“ и „академическимъ буквѣдствомъ“. „Какъ можно“, говоритъ онъ, „писать ученыя статьи и изслѣдованія о религіозномъ состояніи евреевъ подъ властью фараоновъ, объ отѣнкахъ аріанства въ четвертомъ вѣкѣ, о первоначальномъ текстѣ книги пророка Варуха, о годѣ пира Валтасара, о времени смерти Ефрема Сирина и Василя Великаго (кто умеръ ранѣе) и т. д. когда жизнь стучится въ окно, когда живая душа современнаго человѣка мечется въ поискахъ если не новой правды, то новыхъ ступеней единой истины, когда новое время выдвигаетъ новые запросы и мучительно требуетъ немедленныхъ разрѣшеній“... И опять спросимъ: что можетъ быть фальшивѣе подобныхъ рѣчей? Развѣ автору неизвѣстно, что въ богословской ученой литературѣ пишутся и печатаются сочиненія далеко не на однѣ только отвлеченныя темы, какія

онъ указываетъ читателямъ съ явною цѣлю осмѣянія академической науки? А, съ другой стороны, что же смѣшного и страннаго въ такихъ вопросахъ, какъ арианство съ его отбѣнками, время смерти св. Ефрема Сирина и св. Василия Великаго, оригинальный текстъ книги Варуха? Только для легкомысленнаго диллетанта все это можетъ казаться страннымъ, но не для серьезнаго человѣка, даже и не специально богословски-образованнаго. Кому же неизвѣстно, что специализация—душа науки? Кто, съ другой стороны, не знаетъ, что во всѣхъ отрасляхъ знанія человѣческаго теорія и практика идутъ рядомъ? Медицина развивается, безъ сомнѣнія, благодаря кабинетнымъ теоретикамъ, истиннымъ труженикамъ науки, а вовсе не популярнымъ практикамъ, обогащающимъ посредствомъ широкой практики свой карманъ, а не науку. Не тоже ли самое видимъ въ химіи, механикѣ, математикѣ и т. д. и т. д.

Послѣднее наше слово о книгѣ „Затѣйникъ“ такое. Кто изъ духовенства не прочитаетъ этой книги, тотъ ничего не потеряетъ; а кто станетъ читать ее, пусть напередъ знаетъ, что это—самый злой и тенденціозный памфлетъ на русское духовенство и папство.

Кіев. Еп. Вѣд. 1905 г. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Оффиціальный отдѣлъ. Распоряженія Епархіальнаго начальства. 425. Свободныя мѣста. 425. Просвѣщеніе св. крещеніемъ. 426. Присоединеніе къ православію 427. Годичное собраніе членовъ Попечительства Казанскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. 427.

Неоффиціальный отдѣлъ. Христосъ воскресъ. 429. Бесѣды со старообрядцами о Христовой церкви. Свящ. С. Толтыгина. 431. Хлыстовскіе стихи. Свящ. А. Урбанскаго. 439. Со страницъ приходскаго дневника. Свящ. В. Бузановскаго. 447. Быть и вѣрованія татаръ Синбирской губерніи, въ 1788 году. 454. О выборномъ началѣ въ приходѣ. 467. Библиографія. 470.

Редакторъ, Профессоръ С. Терновскій.

Печатать дозволяется. Казань, 13 апрѣля 1905 г.

Ректоръ Академіи Епископъ Алексій.

Типо-литографія Императорскаго Университета.